

Владислав Данишевский

Не будите медведя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Цикл: Инженер и его инопланетные игрушки книга 1 том 1

Владислав Данишевский

Не будите медведя

«Автор»

2026

Данишевский В.

Не будите медведя / В. Данишевский — «Автор», 2026

Вот так живёшь-живёшь большую часть жизни, дом - полная чаша, с женой - мир и согласие, дети, скоро внуки пойдут, пора о пенсии задумываться, как вдруг... Что может сделать простой обыватель в абсолютно новом для себя мире, если он не великий воин или гениальный учёный, но обладает острым умом, способностью заводить друзей и невероятной удачей? Или это не удача? Как сложилась бы жизнь множества людей, если бы не один земной инженер, ни дня не работавший по специальности? Жизнь на грани реальности и научной фантастики не любит давать простых ответов - это задача только для человеческого разума.

© Данишевский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Не будите медведя

Глава

Глава 1. Нарушение идиллии экстраординарным способом.

Толстый моховой ковёр под ногами пружинит, будто идёшь не по лесу, а по мягкой кровати. Редкая лесная трава безуспешно пытается скрыть яркие брызги поздних ягод. А вот заросли побуревшего папоротника вполне успешно скрывают островки осенней добычи тихих охотников – густые, плотно сбитые стада молодых опят. Сентябрьский лес щедро бросает в лицо хвойную прелую сырость пополам с мокрой паутиной и косыми лучами уже не жгучего, но ещё тёплого солнца.

Неторопливое хождение по лесу с ножом и корзиной – этакая русская национальная медитация, наряду с рыбалкой и прополкой грядок. Сочетание душевного с прагматичным. Полезного с приятным. Необходимого с необходимым.

Хороший год. Урожайный.

Летняя жара в сочетании с ночными дождями наплатила садово-огородную и лесную растительность с избытком, что только успевали собирать и готовить. Очнувшиеся от потрясений последних лет сограждане понесли в наш семейный бизнес небольшие, но многочисленные заказы, заставляя изрядно потеть, при этом довольно потирая лапки при подсчёте прибыли. Лишь мировая паутина была стабильно урожайна на новости как всегда. Войны, кризисы, скандалы, новые технологии, старые медийные морды.

И только новый учебный, трудовой и ёж знает какой ещё год позволил, наконец, вздохнуть свободно и выбраться в лес не столько за добычей, сколько для удовольствия. Вот вроде и ходим с женой всего второй час, неторопливо смакуя сосновую свежесть, а всё равно по корзине уже набрали и по второй начали. Остановимся ягоды поклевать, а тут опёночье семейство из-за угла выглядывает. Разглядываем особо крупного крестовика, стерегущего паутину, по толщине и прочности рассчитанную на низколетающих пингвинов, а за ним пенёк, усыпанный знакомыми шляпками. Эдак и нагуляться не успеем, как складывать некуда будет.

Конечно, совместный отдых можно было бы устроить и совсем иначе – от банальной рыбалки с шашлыками до культурных посиделок в заведениях. Однако, первое не интересно жене, а второе уже мне. Поездки в места отдалённые туристические – это дело заманчивое, но слишком для нас продолжительное. Не хочется пробегать интересные места галопом.

Собственно, первая наша с женой беседа, состоявшаяся четверть века назад в студенческой общаге на праздновании Дня Победы, была именно о том – где бы мы хотели побывать, что повидать и пережить. Нежданно-негаданно увлекательный разговор привёл к свадьбе, четырём детям, двум котам с собакой и двадцати пяти годам почти безоблачной совместной жизни. За эти годы и побывали, и повидали, и пережили многое из того, о чём мечтали в тот знаменательный день. Были и трудности, и охлаждение отношений, и скандалы, но каждый раз, посидев по разным углам, нас соединяло притяжение родственных душ, не позволяющее на месте своей половины даже представить кого-то другого.

Нет, у нас не случилось неземной любви, всё преодолевающей и преодолевающей. Задумавшись об этом уже в зрелости, мы решили, что у нас тот самый случай, когда уважение, дружба и влечение оказались примерно в равных пропорциях, что не раз спасало обоих от необдуманного. А когда закончилась притирка, сгладились углы и взаимные недостатки стали казаться привычными и родными, будто произошёл переход на новый уровень игры, где тыл надёжно прикрыт, под ногами дорога из жёлтого кирпича, а впереди только хорошее.

Хороший год. Хорошая жизнь. Местами трудная, даже жестокая, но хорошая.

Я успел пожить при социализме. Застал не лучший его период – с очередями, дефицитом и ожиданием перемен. Но в силу возраста запомнил больше добрых людей, свободу для нас, малолетних, ещё не знавших про маньяков и автомобильное бешенство, а потому леса, реки, подвалы и стройки были нашими полигонами для игр. И ещё запомнил огромную страну – от горизонта до горизонта из иллюминатора самолёта, и целую неделю из окна вагона под ритмичный стук колёс и бесконечные разговоры с попутчиками.

Мне повезло почти без потерь пережить девяностые. Поездки через всю страну стали недостижимой роскошью, зато страх и нищета – обыденностью. Наркота и криминал проредили сначала дальнюю родню, затем друзей и знакомых. Когда закрыли предприятие, где работал отец, стало совсем туго. Сначала перебивались подножным кормом из леса и огорода, но потом мужики плюнули на остатки осторожности и законопослушности, в счёт невыплаченных зарплат растащив по гаражам и дачам станки и инструменты, пока где-то там всё это добро делили новые хозяева жизни, с применением оружия, утюгов и паяльников. Так у нас появился наш маленький семейный бизнес, начавший приносить сначала хлеб, а под конец тысячелетия и масло.

По иронии судьбы будущий тесть, оказавшись за оградой разорённого таксопарка, помыкался, влез в долги, но открыл свой маленький «гараж-монтаж», приносивший ему в те трудные годы головную боль чаще, чем прибыль, но всё-таки позволил пережить.

А под конец тысячелетия, изрядно подгулявшие на нашей свадьбе отцы настолько душевно поговорили, что объединили не только семьи, но и мастерские. И если вместе с нашим отцом трудились мы с братьями, то у тестя была только дочь, которой он, за неимением сыновей, передал всю свою любовь к технике. Сейчас в «Железной артели» трудится уже третье наше поколение.

Под размеренные воспоминания о том, как почти двадцать лет назад старший сын, будучи ещё трёхлетним карапузом, вооружился здоровенным рожковым ключом, который еле держал двумя руками, полез под пригнанную на ремонт «Ниву» - помогать деду, мы с женой, рассекая собой особо плотные заросли папоротника, вышли на маленькую поляну. Раздался дружный восхищённый выдох: убегая в сумрак зарослей, от самых наших ног тянулся длинный ствол давно поваленной берёзы, полностью покрытый грибами.

- Да мы забегаемся всё это таскать! – возглас жены, тем не менее, выражал сплошной восторг.

- Ничего, не надорвёмся. Домой всё равно не на горбу повезём, – с хищным оскалом я присел к торцу бревна, доставая из корзины нож.

- Подожди, давай в одну корзину всё пересыплем, да я в машину унесу.

-Зачем? Сейчас даже одной полной не наберётся. Давай обе наполним, тогда я отнесу.

- Зачем, зачем... - передразнила супруга, – носик попудрить надо. Ключи давай.

- А-а-а, это да, это повод, – усмехнувшись, я пересыпал грибы, вручив ей едва на две трети полную корзину и брелок с ключами. – Заодно воду прихвати, что-то мы не догадались с собой бутылку взять.

- Хорошо.

- Не заблудишься? – я точно знал, что топографическим кретинизмом никто из нас не страдает, но всё равно немного беспокоился.

- С чего бы? Метров двести вон туда, – взмах рукой чуть в сторону от направления, откуда только что пришли, - а уж мимо просеки точно не промахнусь.

- Всё верно. – пришлось мне согласиться. От просеки мы ходили исключительно перпендикулярно и параллельно, так и ориентироваться проще, и заблудиться сложнее.

- Переживаешь, Глебушка? – вполоборота спросила уже развернувшаяся уходить жена не без кокетства.

- Переживаю, Лидушка, – в тон супруге ответил я. – Лес всё-таки, почти тайга.

- Да что тут может случиться? За столько-то лет всё на сто раз пережено, каждый пенёк «в лицо» знаем, а каждую белку по имени! – развеселилась, уходя, Лида.

- Что правда, то правда. Ладно, иди, – сказал спокойно, а в душе что-то еле заметно подморозило. Переживание? Интуиция?

Оглянулся вслед уходящей половине. Нет, действительно: вон за теми деревьями виден густой кустарник – это край просеки, рукой подать. Заблудиться нереально, опасной живности на моём веку тут не видели, опасных людей... так они и в городе могут встретиться, опасные-то, даже с большей вероятностью. «Так что зря нервничаю» – окончательно убедил я себя и, протянув с дебильной интонацией из анекдота: «Грибо-очки-и-и», продолжил вдумчиво, не торопясь, горсть за горстью срезать с бревна плотную грибную мякоть.

Хорошие грибочки, мелкие, один к одному. Такие на зиму мариновать самое то. А как их теща маринует – язык проглотить можно. Вот умеют же люди готовить. Никогда к грибам пиетета не испытывал, пока Лида не привела меня на знакомство к родителям. Тогда-то Марина Степановна и покорила меня с первой ложки жареной картошки с этими самыми опятами. Тогда же я клятвенно пообещал, что буду регулярно обеспечивать её сырьём, лишь бы на нашем столе всегда присутствовал этот деликатес. И вот уже четверть века, как я держу данное слово, каждый год привозя теще дары леса, с поправкой на урожайность года, конечно. А она в свою очередь продолжает нас гастрономически поддерживать. Однажды жена по секрету поведала, что именно этим восхищением её стряпней я Марину Степанну и подкупил. Мол, молодец, всё правильно сделал. И даже удивилась, что восхищение было абсолютно искренним.

Саму же супругу я покорила, как оказалось, не душевными разговорами о дальних странах, лесах, горах и океанах, а стихами. Точнее – одним единственным стихотворением. Когда я почувствовал, что увлечение симпатичной девочкой, одинаково любящей походы и автомобили, переросло во что-то большее, на глаза очень удачно попался кадр из всенародно любимой «Операции «Ы».

Главным источником информации в доинтернетную эпоху были библиотеки, куда я и помчался, загоревшись идеей. Полночи зубрил «Так Пушкин влюблялся, должно быть, так Гейне, наверно, любил...», а затем ещё полдня повторял: «Гейне, Гейне, Гейне» вместо невесты откуда возникшего в голове «Геббельса». Вечером, торопясь на свидание, боялся ляпнуть этого «Геббельса». Прицепился же. Но не ляпнул. Прочитал. С выражением, даже с придыханием: «Хорошая девочка Лида...»

Хорошая девочка Лида хлопала в ладоши, целомудренно чмокнула в щёку, от чего в душе ангельски запели даже опоссумы и ондатры, и похихикала над тем, что со школой я немного припоздал, платьям она предпочитает джинсы, а живёт не на Южной улице, а совсем даже на Правобулочной, причём в районе с неаппетитным названием «Мочище». Разве что с «золотыми косицами» согласилась, при условии, что затягивать их «будто жгуты» ей никто не будет. В общем, пообтесала мой романтический порыв, однако, своё дело он уже сделал.

Корзина переполнилась, не поглотив и четверти найденного «клондайка». Встал, размятая затёкшие ноги, оценил оставшийся фронт работ. Самое малое – ещё три корзины. А жены всё ещё нет. Оглянулся в сторону просеки – ни одного движения.

«Ладно, всё равно добычу относить» – подхватил корзину, защёлкнул раритетный советский складень, кидая его в карман, и двинулся к машине.

Уже подходя к сиротливо стоящему на краю просеки «Патриоту» снова почувствовал неприятный холодок. Нет, выглядело всё по-прежнему – никаких валяющихся вещей, признаков борьбы или ещё чего-то настораживающего, но холодок внутри почему-то крепчал, грозя вырасти в мороз.

Поставил корзину возле дверцы багажника и захопал себя по карманам. Мелькнула мысль: «Ключи-то я отдал!»

Начал озираться по сторонам. «Так, я вышел здесь, а она собиралась идти левее, всего метров на пятьдесят, но всё же не прямо. Может живот прихватило, решила к машине не торопиться?»

Сложив ладони рупором, прокричал:

– Ли-и-ида-а-а... - лесное эхо, погуляв между деревьями, затихло где-то вдалеке. Прислушался. В ответ не донеслось не то что человеческого голоса, но даже привычная таёжная живность затихла. Даже самые шумные местные жители затаились – всего несколько минут назад голосившая кукушка и вечный лесной перфоратор-дятел. Ни грызунов, ни насекомых. Только едва слышный отдалённый гул. Трасса? До неё далековато, вряд ли отсюда можно услышать. Другие грибки?

- Ли-и-и-и-ида-а-а-а! – проорал уже в полную силу, стараясь не сорвать голос. Снова не дождавшись ответа, сорвался с места и побежал туда, где, по моим прикидкам, она должна была выйти на просеку.

Вот тут всё внутри окончательно заledenело. На фоне зловещей тишины тревожным индейским барабаном глухо забухало сердце, а в коленях появилась предательская слабость: посреди дороги, в начавшей буреть межколейной траве стояла корзина, в ней, поверх опять – ярко-красный канцелярский нож с выдвинутым лезвием, а в полуметре на колее – кислотно-оранжевый пластмассовый прямоугольник, прицепленный на одно кольцо с автомобильными ключами и брелоком. Это супруга, после нескольких потерянных вещей, завела традицию – специально для походов «в дичь» покупать предметы кричащих цветов или прицеплять к ним «вырвиглазные» этикетки. Нет, оставить на виду корзину, чтобы налегке посетить кусты, даже забыть в ней нож – это было бы нормально. Но бросить на дорогу ключи?

Стоя на внезапно ставших ватными ногах, оглядел дорогу и редкий березнячок справа от неё. Ничего. Даже трава нигде не примята. Схватил ключи, прорынул узкую полоску кустов слева – вот её следы: отчётливо продавленные участки мха, местами содранные каблуками. Обратных следов нет, как и чьих-то других.

«Да где ж ты есть-то?» - металась в опустевшей голове судорожная мысль. Вместе с ней о стенки черепа бились и другие: «Позвонить!», «Нет тут связи вёрст на десять», «Пробежать дальше по дороге, может туда ушла?» «Так почти на километр видно, не успела бы дальше».

Всё-таки пробежал метров двести, безрезультатно оглядывая округу. Пока отпыхивался, упираясь ладонями в колени, заистерила новая думка: «Да как так-то? Тут ведь и деваться особо некуда, если специально не прятаться...»

Так, стоп! А что если..?

Конечно, весь опыт совместно прожитых лет показывал, что Лида к дурацким розыгрышам не склонна, но мало ли? Вот и расстались мы на довольно игривой ноте, в общем, хотелось верить в любую безобидную чушь, лишь бы не допускать зарождения паники.

Несколько успокоившись, я выпрямился, набирая в грудь воздуха, чтобы громко усевестить разыгравшееся в моей супруге детство, да так и замер, вместо крика выдохнув сиплое карканье.

Недалеко впереди над просекой медленно взлетал... э-э-э... космический корабль. Если, конечно, бывают космические корабли, которые цветом и формой напоминают погрызенную кем-то гигантскую человеческую печень длиной метров двадцать. Ну, или голову ксеноморфа-микроцефала, убитого молотком для отбивания мяса.

Ксеноморф дал собой полюбоваться секунд пять, после чего плавно, но быстро набирая скорость, затерялся в быстро бегущих облаках. А я остался на дороге, изображая пограничный столб. Абсурд и нереалистичность ситуации настолько выбили из колеи, что даже те немногие мысли, что всего минуту назад роились в голове, удрали, видимо, вслед за летающей печенью.

Сколько так простоял – одним ежам ведомо, но потом всё произошло как-то сразу: ватные ноги наконец подогнулись, я не очень мягко уселся на примятую колёсами хвою, а информационный хаос в голове начал упорядочиваться. Я мыслю, следовательно что? Правильно: ergo sum. И о чём мыслю? О том, что самый очевидный вывод – зелёные человечки утащили жену. Может совсем даже не зелёные или не человечки, но вывод напрашивается сам: и направление совпадает, и времени прошло как раз, чтобы успеть дотащить бесчувственное тело. Почему бесчувственное? Да потому, что не было ни следов, ни звуков борьбы. Оглушили какой-нибудь инопланетной глушилкой и утащили в свою... печень.

И что это всё нам даёт? Что искать бесполезно? Если мой вывод верен, то да, бесполезно. Даже если случится чудо и меня примут в отряд космонавтов, то дальше МКС всё равно не улечу, а нужно явно дальше. На много порядков дальше. А у меня даже дельтаплана нет, не то что летающей тарелки. И что делать?

Задавшись этим сакраментальным вопросом, я как-то заторможенно огляделся, немного погодя встал и поплёлся в сторону машины. Подобрал по пути супружнину корзину, подошёл к «Патриоту», и закинул в багажник обе. Только увидев бутылку, вспомнил, что хотел пить. Вылебав почти литр противной тёплой минералки, уселся за руль, но не мчаться за подмогой, а пока только думать.

Шоковое отупение получилось загнать в тёмные углы сознания только с третьей попытки, но всё же получилось.

Итак, что имеем: жены нет, но есть муж, на машине, с ножом и кучей грибов. Несмотря на очевидность первого вывода, стопроцентной уверенности в том, что искать бессмысленно, всё-таки нет, поэтому поиски организовать надо. Тем более что правду говорить нельзя никому – мало того, что не поверят, так наверняка ещё и заподозрят как минимум в попытке сокрытия чего-нибудь, а как максимум в том, что головушкой скорбен стал. После чего поеду я не супругу искать, а глотать вкусные препараты для перманентного пребывания в стране деревянных брёвен. Хорошо, если обойдётся без рубахи с длинными рукавами, памятуя о distinguished Шурике, рвавшемся спасти студентку и комсомолку. Хотя, наши доблестные подзревать всё равно будут – работа у них такая, а ситуация к тому дюже располагает. Так что искать несмотря ни на что будем. А вдруг? И уже потом, по результатам будем посмотреть – что делать дальше.

Глава 2. «Кому вы пудрите мозги, Казюльский?»

Дома без Лиды стало пусто и... странно. Странно оттого, что выработанные годами привычки и рефлексы холодно и шершаво диссонировали с осознанием изменений в доме. В жизни. В душе. Сумбура в душе добавляло то, что статус потери неясен. Когда жена четырежды покидала дом для пополнения семьи, из них дважды – на длительное сохранение, её отсутствие сопровождалось приятным ожиданием. Когда человек умирает – это очень грустно, но тоже понятно. Окончателюность потери так или иначе принуждает разум поставить точку. А тут – полная неопределённость во всём.

Прожив большую часть совместной жизни по чужим квартирам – то по съёмным, то у родителей, десять лет назад смогли всё же накопить на свой дом. А шесть лет спустя осуществили давнюю хотелку – сделали внутреннюю обшивку из натурального дерева, да не просто так, а с выдумкой – Лида долго экспериментировала с морилками и орнаментом из крашеных ими досок. Стало очень красиво, уютно, но главное – в доме запахло деревом, лесопилкой, обновлением.

Валявшийся в нокауте после ковида нюх не реагировал ни на бензин, ни на запахи железа и дыма. Даже бронебойная вьетнамская звёздочка, судя по легендам поднимающая мёртвых,

позорно капитулировала перед обонятельной импотенцией. А вот этот смолистый запах древесины – смог. Однажды утром, не успев открыть глаза, я вдруг осознал, что чую, и именно его.

Тогда он ассоциировался у меня с выздоровлением и новосельем, а сейчас почему-то раздражал.

Семья по сей день пребывала в шоке. Младшая дочь первые дни то рвалась искать мать, то горько плакала на руках у родни, только сейчас, спустя полторы недели, вроде успокоилась. Сыновья после неудавшихся поисков ходят пришибленные, а на родителей жены смотреть было просто страшно. Оба резко состарились и будто погасли, день за днём встречая разводящих руками поисковиков. Видя, что стариков нужно спасать, я взялся их убеждать, что раз не нашли тело, значит шансы остаются, а лично я так просто железно уверен, что Лида жива, вот сердцем чую. Осталось только придумать – как её найти. Не скажу, что получилось воодушевить, но похоронные настроения миновали. Помогло то, что даже в официальном заключении поисковой операции, хоть и в обтекаемых формулировках, но значился ряд странностей, ничего не проясняющих, но вселяющих надежду.

Когда на пятый день было заявлено, что лесной массив прочёсан вдоль и поперёк, многократно и с применением собак, поисковой техники и даже местного шамана, а следов пропавшей найти так и не удалось, поиски решили прекратить. Зато решили начать оперативно-разыскные мероприятия правоохранители, так как некоторые косвенные свидетельства указывали на возможное участие в исчезновении гражданки Неверовой Л.П. третьих лиц, то есть подозревали похищение.

На их месте я бы тоже подозревал, ведь первый же запуск по следу собак привёл к коллективной истерике четвероногих, когда они добрались до места предположительной стоянки ливерного звездолёта. В сотне метров от означенного места друзья человека заволновались, в полусотне – вздыбили загривки и начали поскуливать, а на самом подходе с визгом разворачивались и бежали в лес, не разбирая дороги. Посовещавшись, кинологи выдали единственную рациональную, хоть и не совсем правдоподобную версию: на конечной точке присутствует запах крупного хищника, предположительно – экзотического, например льва или белого медведя, ведь запах местного Потапыча некоторым собакам знаком, на него они бы отреагировали агрессивно, но без паники.

Следователь, который начал наше знакомство с упорных попыток развить тему бытового конфликта между мной и Лидой, вынужден был принять версию об участии людей, имевших отношение к работе с животными – охотников, ветеринаров, в конце концов – работников цирка. В пользу чего говорило как отсутствие следов борьбы: для подобных профессий пневматика с транквилизатором – привычный инструмент, так и отсутствие следа моей жены где-либо ещё в лесном массиве, кроме указанного мной маршрута, а все свидетели нашей семейной жизни в один голос заявили о том, что дружнее пары они ещё не встречали.

В общем, товарищ майор неизвестных злодеев искать-таки начал, но чем-то задним чую: версию о «синей бороде» при этом отнюдь не оставил.

Больше всех удивил шаман – ещё не старый алтаец в рыбацком камуфляже вышел на середину идеально круглой поляны, по периметру которой на высоте человеческого роста на деревьях виднелась чёрная полоса шириной в ладонь, будто след от раскалённого металла, огляделся задумчиво и изрёк:

- Не человеческих рук дело. Тут чужие твари побывали. Забрали девку. Тут искать нечего.

И ушёл. Поисковики пожали плечами и продолжили нарезать круги по лесу. Я хотел было догнать и расспросить с пристрастием – не в бровь, а в глаз ведь попал, но вовремя передумал. Что он мне скажет? Где космический корабль автостопом поймать? Номер планеты похитителей в антитентуре галактики? Так у меня ни пепелаца, ни гравицапы. В общем, прочёсывал

местность вместе со всеми, изображая бурную деятельность. А мозг при этом работал совсем в другую сторону.

По окончании поисков, наматывая пластырь на стёртые в кровь ноги, я мусолил в уме только одно решение – искать в интернете. Вряд ли моя жена настолько уникальна, что ради неё одной эти черти пролетели тысячи световых лет. Или откуда они там, из параллельного мира?

Первые эмоции схлынули, а долгие выматывающие поиски и переизбыток общения с массой людей – поисковиками, друзьями и роднёй, полицией и даже местными журналистами, просто выпотрошили голову, оставив там белый шум и желание забиться в угол подальше от всех. Детей, кроме старшего, отправил к дедушкам с бабушками – и первые под присмотром, и вторые при деле, значит легче переживут. Ванька остался якобы по дому помогать в отсутствие матери, и чтобы мне одиноко не было. Хотя было заметно, переживает он и о том, что я на стакан наступить могу или ещё чего похуже. Пришлось объяснить, что именно у меня упаднических настроений искать не надо:

- Вань, ты за меня меньше всего переживай. Я присутствие духа терять не собираюсь, в запой уходить тем более. Мать жива, я в этом на все сто уверен, поэтому собираюсь не страдать, а искать.

- Где ж ты её искать собрался? – сын говорил с нотками обречённости, но в глазах всё равно читалась надежда - Почти неделю вон какой толпой искали и всё без толку. Менты между собой говорили, я слышал, что раз по горячим следам не нашли, то всё, шансов почти нет.

- Для начала, как водится, спрошу у мировой паутины, - я скрипнул любимым креслом и вдавил кнопку включения системника, - а там будем посмотреть.

- Думаешь, интернет тебе скажет то, чего специалисты не сказали? – Иван изображал скепсис, но больше для проформы, чем действительно его испытывал.

- Думаю, что случай с нашей мамой достаточно необычен, чтобы не потонуть в океане однотипной и бесполезной инфы, а узнать что-то новое, если аналогичные случаи уже бывали.

- Ну, тогда зови, если реально продвинешься в поисках, – скепсис из голоса сына ещё не ушёл, но робкая тень энтузиазма уже появилась.

- Договорились. – Повернувшись к монитору, запустил браузер и приготовился просеивать мелким ситом всё то, что вывалит на меня инфосетка.

Мда-а-а... Конечно, я был морально готов к тому, что ради жемчужины полезной информации придётся перелопатить не один автопарк царя Авгия, но чтоб настолько? Помимо стандартных ежегодных потеряшек, блуждавших по грибы и ягоды, алгоритмы поиска выдавали то блудных подростков, то опять уплывших на знакомой льдине рыбаков. Изменения формулировки запроса выдавали результаты поинтереснее, хотя ничуть не более информативные: истории про маньяков, жертв медведя-людоеда, лесные пожары и даже про нашествие энцефалитных клещей.

Вбивая в строку поиска запрос о похищениях инопланетянами, я в общем-то догадывался, что пробуждаю древнее зло, но результаты всё равно превзошли ожидание. Отборнейшая шизофрения и параноидальный бред – самые мягкие эпитеты, которые приходили в голову при переходе по большинству ссылок. Попадись мне в тот момент предложение от одного депутата, известного скандальными законопроектами, пускать в интернет только по справке от психиатра, я бы не раздумывая согласился.

Другая категория ссылок была не в пример содержательнее, но тоже абсолютно мимо. Это были аннотации к фильмам и книгам в жанре фантастики. Когда где-то глубокой ночью, уже изрядно ослотившимися от долгого чтения и недосыпа глазами я прочитал статью о похищении деревенской женщины снежным человеком, от которого она потом родила мохнатого мутанта, в широко известной в девяностые насквозь жёлтой газетёнке, понял, что интернета на сегодня хватит.

Утро началось со звонков. Родные интересовались моим самочувствием, клиенты – сроками выполнения заказов. Один из старых и постоянных клиентов участливо поинтересовался результатами поисков Лиды. Можно было бы заподозрить в праздном любопытстве или попытке влезть в доверие ради скидок и иже с ними, но нет, этот человек всегда был довольно эмоционален и искренне сопереживал. Тёплое чувство, оставшееся после душевного разговора со старым знакомым буквально через пару минут слегка пригадил следователь. Он был профессионально вежлив и корректен в выражениях, однако настойчивая просьба прибыть в его кабинет для «уточнения деталей» заметно пованивала неприятностями.

Не менее вежливо, но слегка злорадствуя в душе, ибо нефиг добрым людям настроение портить, объяснил, что в ближайшие дни я по кабинетам не ходок в самом прямом смысле – стёртые ноги заживали, но из-за постоянной беготни молодая кожа сохла и трескалась, как бы намекая: «хорош суетиться, ты же в курсе, что не туда воюешь». Однако, поразмыслив, решил, что это только отсрочка неизбежного разговора, и пригласил его к себе.

Положив телефон возле монитора, взялся за любимую «сиротскую» кружку объёмом не то литр, не то три четверти, обнаружив, что кофе безбожно остыл. Лидия батьковна часто пеняла мне на прямо-таки преступную неразборчивость во вкусах. Если ей «вот этот» сорт недостаточно ароматен, поэтому пить его невозможно, то мне одинаково на ура заходит любой дешманский сублимат, лишь бы сахара и молока побольше. Для неё вчерашний борщ – это «фи, холодильником провонял», для меня же пока не прокис – пища богов.

Улыбнулся, вспомнив фразу, ставшую в семье крылатой: «тебе хоть помои, лишь бы с хлебом или с сахаром», и похромал греть кружку с «кофейным сиропом». Ну не выливать же вкуснятину. Ковыляя мимо зеркала, остановился, непонятно почему отреагировав на появление собственного отражения. Всё произошедшее так повлияло на меня что ли? Зеркало-то стоит тут с незапамятных времён, честно стыренное ещё с первой совместно арендованной квартиры за хамство и мелкие пакости со стороны хозяйки.

С той стороны меня разглядывал немолодой мужик со следами не до конца рассосавшейся спортивной формы организма. Мда, на пятом десятке удерживать рвущееся на волю пузо всё труднее, хотя, с пяток килограммов за эти десять дней всё-таки слетело, ибо поесть и даже попить удавалось лишь урывками, а про отдых и речи не было, не говоря уж про перманентный нервяк. Лицо осунулось, небритость стала постоянной, лишь с намёком на ухоженность. Видимо, однажды промелькнувшая мысль, дескать, бриться больше не для кого, закрепилась где-то в подсознании, заменив ежедневное бритьё на триммер пару раз в неделю. Ну, хоть так.

Не успел я толком погрузиться в пучину цифрового океана, как в дверь позвонили. Не знаю, слышно ли было за дверью моё недовольное «Ща-а-ас!», но пока влезал в тапки и нетопливо шкандыбал в прихожую, звонки не повторялись.

Следователь со смешной фамилией Рыбкин на этот раз был в гражданском, хоть и с неизменной папочкой. В прошлые наши встречи я его видел исключительно в форме с погонами старлея. Неловко балансируя на одной ноге и при этом стараясь не выронить из подмышки папку, Рыбкин с интересом разглядывал жилище.

- Сами делали? – указал он на затейливо вьющееся по потолку и стене соцветие лампочек в переплетении металлоконструкции, несмотря на размеры не выглядящей тяжеловесной.

- Да, однажды решил перестать быть сапожником без сапог, - род моей деятельности, помнится, старлей выяснил едва ли не в первую очередь, - и вот, заморочился.

- Хм, впечатляюще, - одобрительно покивал он головой, - где мы можем расположиться, чтобы с бумагами поработать?

- Чай, кофе будете? Кофе только растворимый. Молотый, уж извините, варить не умею, это жена – тонкий ценитель. Зато чай в ассортименте. Тоже её епархия, кстати.

Предложил не столько из гостеприимства, сколько из опасения, что зоркий глаз гостя углядит открытую вкладку браузера. Ничего криминального, но уфологический форум с обсуждением похищения людей коварными пришельцами – это совсем не то, что хотелось бы показать сотруднику при исполнении в текущих обстоятельствах. Хотя, может решит, что у мужика, у меня то есть, с горя гуси вперёд хвостами полетели? Не, ну его нафиг. Мне моя дееспособность ещё пригодится.

- Знаете, от крепкого сладкого кофе не откажусь. Без этого допинга в нашем деле трудновато, почти весь день на ногах, да с бумагами, - будто оправдываясь согласился следователь.

- Крепкий и сладкий – это по-нашему. Тогда давайте на кухню.

Пока посетитель раскладывал свою бумажную бухгалтерию, я звенел посудой и булькал кипятком. Беседу он начал почти по-дружески.

- Знаете, в деле вашей супруги столько непонятного, что я даже не знаю что дальше делать. Предположение кинологов мы отработали в первую очередь, но всё вхолостую – последний передвижной зоопарк в нашем регионе был в прошлом году, цирк и того раньше, а ветеринары никого страшнее коровы не видели. С охотниками же всё настолько сложно, что не вижу смысла продолжать. Проверка на вывоз личного охотничьего оружия за пределы края показала двоих переезжающих на ПМЖ в соседний регион, где ни львов, ни тигров не водится. А браконьеры, сами понимаете, с повинной не придут. Прямо тупик получается.

Рыбкин изобразил лицом покаянное бессилие, но как-то не совсем искренне, и потянулся к исходящей паром кружке. Шумно и с видимым удовольствием, уже вполне искренним, отхлебнул и, едва не поставив кофе на документ, дёрнулся, сделав только хуже: напиток немного, но плеснул-таки на бумагу.

- Твою ж за ногу! – выругавшись, он начал стряхивать жидкость с листа, стараясь не размазать ещё сильнее, - Извините, это я не вам.

- Да я так и понял, - усмехнувшись, протянул ему несколько бумажных полотенец, - Вот, сойдут за промокашку.

- О, в самый раз, спасибо! – гость принял промокашку и несколько суетливо начал спасать документ. Однако через пару минут он был уже собран и готов к продолжению разговора.

- С нашей прошлой беседы остался один непонятный момент. Сможете прояснить?

- Спрашивайте. Мы с вами ведь именно для этого тут собрались.

- Ну, смотрите: от того места, где вы, по вашим словам, расстались с женой до места, где вы нашли её корзину и ключи – всего двести тридцать метров. Место глухое, по вашим же словам – никого постороннего вы там не встречали. То есть если бы по просеке проехала машина с похитителями, вы бы её обязательно слышали, так?

Рассматривая разнообразные вариации нашего разговора, я предусматривал и этот вопрос, поэтому ответил спокойно, лишь немного задумавшись.

- Понимаете, я уже лет тридцать работаю на довольно шумных станках почти каждый день, поэтому слух неизбежно просел. Насколько, сказать не могу – последнюю медкомиссию проходил ещё в студенчестве. Но малозумный транспорт, да ещё на минимальной скорости вполне мог прохлопать ушами даже в тихом лесу. Тем более, что к просеке я сидел спиной, в кустах, и в сильном интересе.

- Допустим. Но вот что мне ещё непонятно: ни сейчас, ни даже в первые дни поисков я не заметил, чтобы вы проявляли... ну, скажем так, сильные эмоции. Обычно родственники переживают намного заметнее. Ваши дети например, да и с вашими родителями я пообщался - тоже места себе не находили. А у вас – лёгкое беспокойство, не более. Вы настолько устали от семейной жизни, что пропажа супруги вас сильно не взволновала? – вопрос был нарочито провокационный, поэтому мне пришлось спровоцироваться, правда, не совсем так, как рассчитывал следователь.

- Если вы допрашивали моих родителей, то могли поинтересоваться: был ли у меня хоть малейший мотив избавиться от жены, - я добавил в слова точно отмеренную дозу желчи, правда, вполне искренне, - а заодно, насколько я вообще эмоционален по жизни.

- И насколько? – казалось, желчи он не заметил совсем.

- Настолько, что шутки про Буратино надоели шутникам ещё в институте, потому что рационалист, а не эмоционал. Не умею я лицом хлопотать, а все переживания исключительно внутри. – это я произнёс уже прежним тоном и даже немного доверительнее, - А насчёт Лиды – это совсем мимо. Мы с ней только последние лет пять и прожили душа в душу. До этого всё как-то поперёк шерсти было – учёба, работа, дети, притирка характеров. И тут вот это...

Кажется, я действительно немного взгрустнул. Причём настолько, что Рыбкин проникся. Правда, всё равно не поверил в мою непричастность, что тут же и продемонстрировал.

- А может всё совсем не так, как вы рассказываете? Например, нашли молодую любовницу, решили радикально поменять жизнь, а чтобы не делить семейный бизнес и детей – организовали похищение. Вы же часто бываете в чужих домах на замерах и монтаже. Наверное, молодые красивые клиентки попадаются? Как вам такая версия?

- Это вас должность заставляет подозревать потерпевших? – вопрос был задан абсолютно спокойно и старлей в ответ кивнул так же, без малейших признаков раскаяния, дескать «всё по инструкции», - Хорошая версия. Только не про меня. Я и в юности не был склонен к авантюрам, а с возрастом и подавно. Не для того я двадцать шесть лет семье посвятил, чтобы на пятом десятке всё похерить ради молодой бабы.

Кажется, гость думал иначе, но продолжать тему не стал. Задал ещё несколько малозначительных вопросов и, допив кофе, засобирался.

Выпроводив посетителя, я вернулся к прерванному поиску зёрен ценной информации среди плевел цифровой отрыжки общества. Ох, нелёгкая это работа...

На четвёртый день от уверенности, что всезнающая мировая паутина может дать хотя бы подсказку, не осталось даже запаха. Бесконечный поток бреда, буйной фантазии, пересказов известных и малоизвестных фильмов и книг, а главное – множества репостов и вариаций на тему, настолько притупил внимание и набил оскомину на том органе, который отвечает за восприятие текстовой информации, что захотелось всё бросить. Ну или хотя бы сделать перерыв.

Действительно, какой смысл упираться, если львиная доля смысла пролетает мимо? Да и лучший отдых - это смена деятельности. Надо бы, конечно, и за работу уже браться. Накопления какие-никакие есть, да и семья не даст с голоду помереть, но у меня есть ещё и личные заказы от постоянных клиентов, терять которых просто жалко – именно такие заказчики в своё время помогли нашему семейному делу крепко встать на ноги.

Ноги, кстати, уже пришли в себя и бодро рапортовали о почти полной боевой готовности, чем я не преминул воспользоваться.

Мастерская встретила умиротворяющим шумом родной уже среды обитания: визгом болгарки, свистом снимаемой стружки, стуком молотка и литературно-художественным матом, коим разговаривал насквозь пролетарский по происхождению, но при этом доморощенный интеллигент по жене тестюшка, а за ним и остальная наша банда железячников. Сыновья, братья и отцы, мой школьный друг и двое племянников тестя встретили меня приветливо, но с лёгкой настороженностью: в каком настроении, оправился ли от потери, не словил ли какое замыкание от переживаний.

- Вот и правильно, сын. – батя был лаконичен и обошёлся без долгих предисловий, - Андреич, вон, тоже трудотерапию практикует.

- Да я в порядке, пап, как ноги починил, так и припёрся. – поздоровавшись со всеми по кругу, протянул руку тестю, - вы-то как, Пётр Андреевич? Марину Степановну не боитесь оставлять?

- Держусь, как видишь. – тесть выглядел постаревшим, но уже не таким потерянным, как в первые дни. – А Маринка чай не одна, с девочками осталась. Ты ведь тогда правильно сказал: раз тело не нашли, значит шансы есть. Да и ради внуков, вот, тоже жить надо. В наше время у молодёжи дедки-бабки – большая редкость говорят. Так что покоптим небо покамест. – на заросшем седой щетиной лице обозначился слабый намёк на улыбку. Я согласно кивнул в ответ, мимоходом подумав, что шансы надо бы как-то увеличивать, а у меня идеи кончились.

Обсудив под чай-кофе-сигарету последние новости, включая беседу с Рыбкиным, рабочие вопросы и даже политическую обстановку, все разошлись по своим трудовым углам. За без малого треть века мастерская разрослась пристройками, снаружи напоминая теперь то ли творение одичавшего дизайнера, то ли облагороженный цыганский самострой. Главное, что места теперь хватало не только на трёхместный гараж, станочный цех и склад, но и на одиннадцатнадцать персональных рабочих мест, обустроенных на вкус и личные потребности каждого железячника.

На верстаке пылился родимый творческий беспорядок, посреди которого, прямо на чертеже, лежали отпиленные в размер куски профильной трубы, уже две недели ждущие – когда же блудный мастер снимет фаски. Мастер внял мольбам и сгрёб детали в ящик.

Зашуршал наждачной лентой гриндер, полетели искры, вскоре загудел сварочник. Руки автоматически выполняли привычные действия, а мозг, включив автопилот, принялся за более важное дело.

Итак, поиск по фантастическим запросам результатов не дал. Как и по околофантастическим, мистическим и прочим необъяснимым. Стандартные «потеряшки» без налёта сверхъестественного как правило обнаруживаются рано или поздно. Но ни в одной из прочитанных мной историй поиска не значилось необычное поведение собак. Не сочли нужным упомянуть? Или нам с Лидой не повезло нарваться на первый контакт? Если так, то остаётся только надеяться на высокий уровень развития пришельцев, которому, вроде как должны сопутствовать эмпатия и гуманизм. Глядишь, вернут где взяли. А иначе всё слишком грустно.

Думай, голова, думай, буду мыть чаще, обещаю. И шампунь куплю самый вкусный.

Чего не хватает моим рассуждениям? Логика вроде в порядке. Вариантов того, как обнаружить деятельность зелёных человечков на Земле? Так миллионы людей об том же думают, иногда даже пытаются что-то систематизировать.

Стоп! Систематизация и структуризация! О, боги, как же усыхает мозг, когда перестаёшь его как следует нагружать трудными задачами. Для начала надо пробежать по событиям и фактам. Пум-пурум-пум-пум... Мысли забежали шустрее, но при этом начали выстраиваться в подобие порядка.

Мы топтались там несколько часов и никто нас не похищал. Характерного гула, который издавала космическая печёнка при взлёте, никто из нас не слышал, даже Лида, у которой слух куда острее моего. Это значит что? Это значит, что либо при посадке этот выкидыш сумрачного инопланетного гения не гудел, что сомнительно, либо он уже стоял в лесу. Несколько часов. Нужен был только один образец? Не исключено. С другой стороны, вряд ли у тех, кто имеет звездолёт, не нашлось способа эффективно и без рисков избавиться от ненужного второго аборигена.

Далее. Лида вышла на дорогу, где её схватили. На дороге... Почему именно на дороге? Кстати, а почему собаки начали гадить под себя только у поляны с кораблём? Почему на месте похищения их ничего не насторожило и не испугало? Не было незнакомых запахов? Как так?

Внезапно разрозненные догадки выстроились в стройную логическую цепочку, отчего я ненадолго завис, боясь упустить долгожданный проблеск надежды. В себя привела вонь горелой кожи – раскалённая сваркой конструкция прижгла сварочную перчатку. Я аккуратно положил держак полуавтомата, снял маску и уселся в протёртое и местами прожжённое искрами вращающееся кресло и, наконец, окончательно сформулировал мысль.

Лиду схватили на дороге и собаки ничего необычного не учуяли потому, что похитителями были обычные, ну или почти обычные люди, которые приехали со стороны города на обычной земной машине. Видимо, жена услышала звук проезжающей машины и вышла на просеку левее, чтобы посмотреть – кого там принесло на нашу поляну. Злодеи увидели позади себя женщину, остановились, как-то её обездвигили – парализатором, инопланетянскими усыпляющими лучами, хрен знает каким ещё инопланетным девайсом, погрузили в машину и увезли. Потому и ключи с корзиной остались нетронутыми, что машина уже проехала дальше к кораблю.

А зачем забрали? Как свидетеля? Как женщину? За неведомой инопланетной надобностью? Свидетельствовать там вряд ли было чему – корабль стоял намного дальше и с того места был совершенно невидим. Женщина под полтинник, даже неплохо сохранившаяся для своего возраста, весьма сомнительный трофей для людей, владеющих космическим аппаратом. Тем более, что ехали они скорее всего из города, где... Что? Изучали человеческую культуру, технологии, социальное устройство? Добывали что-то для себя ценное? Наши технологии для них – каменный век, ресурсы проще добыть на астероидах или необитаемых планетах, биоресурсы – это логичнее в аграрных районах искать. Что остаётся? Из очевидного – предметы искусства и... люди. Самое хреновое, но и самое, выходит, логичное предположение.

Так-с, и что делать с этими выводами? Продолжать тиранить поисковик, но уже более конкретными запросами. В первую голову – предметы искусства. У нас хоть и не культурная столица, эрмитажей с третьяковками не водится, но всё ж таки краевой центр, музеи с галереями не совсем деревенские. А может и аукционы какие найдутся, и антиквариат вот вспомнился.

Родня молча проводила меня недоуменными взглядами, когда я выскакивал из мастерской, забыв даже переодеться из рабочего обратно в повседневное.

На этот раз не было судорожных метаний между сайтами, долгого вычитывания бесполезных текстов и прочей потери времени. Культурная жизнь города вальяжно варилась в собственном соку, не переживая сколь-нибудь заметных всплесков активности в плане перемещения художественно-культурных ценностей из рук в руки. Зато по теме пропажи людей в городах прогресс наметился хоть и не сразу, но уверенный.

С разницей в два-три года в трёх региональных столицах при одинаковых обстоятельствах исчезли по две сотни человек в каждой. История была одна и та же: рекрутинговая компания набирала людей на вахту. Сразу на полгода, поэтому пропажу многих людей обнаруживали только тогда, когда след безнадежно простывал. Для центральной России и Сибири это был рыбный промысел на Тихом океане, а для Дальнего Востока – нефтедобыча на противоположном конце страны. Набор людей проходил по-разному. Где-то нужное количество набиралось за неделю, а где-то не хватало и месяца. Если следовать предложенной логике, то с меньшей вероятностью у нас надо искать набор в нефтяники и с большей – в рыбозаготовители.

Выбор оказался невелик – несколько старых проверенных агентств по трудоустройству предлагали различные вахты, две конторы целенаправленно зазывали присоединиться к добыче полезных ископаемых и одна – к суровому морскому путешествию.

Ну что ж, всего три варианта. Прямо как в сказке: направо пойдёшь – денег заработаешь, налево пойдёшь – на тебе заработают, прямо двинёшь – на летающей печёнке покатают.

Я отодвинулся от монитора, размышляя о том – что мне делать с полученными сведениями и попутно барабанив пальцами по столу не то Интернационал, не то имперский марш из фильма про мужика в чёрном плаще со световым мечом и дыханием загнанной лошади.

Идти за помощью в компетентные органы – значит гарантированно уехать в другое компетентное учреждение, только с красным плюсом на борту. Да и вообще к кому угодно с этим идти чревато. Самому сначала проверить что ли? Опасно конечно, но не упакует же меня

прямо посреди города? Если они по двести человек набирают, то вывозят наверняка партиями, добровольно и при полном сознании, иначе на первой же проверке документов велик риск завалить всё дело. Поговорю, осмотрюсь, сделаю предварительные выводы, а там видно будет, куды бечь с этим.

Определившись, наконец, с направлением, я осмотрелся и только тут заметил, что пачкаю изгвазданной робой любимое кресло. Лида бы не преминула приложиться дланью к челу и закатить глазки в притворном ужасе.

Невольно улыбнувшись этой мысли, я отправился переодеваться, приводить себя в порядок перед, так сказать, разведкой боем. Пока брился и выбирал форму одежды поприличнее, включился здравый смысл. Стоп, а куда я собрался-то? Адрес указан только у одной конторы, у двух – лишь телефоны. Как-то подозрительно. Ну, ладно, по ходу разберёмся.

От мыслей отвлёк стук двери, затем звон упавших на тумбочку ключей и шебуршание куртки. Не иначе, кто-то из детей осчастливил родную хату.

- Ты куда так газанул, батя? Да ещё прямо в рабочем? – Ванька был явно озабочен странным поведением отца. Мужики поди ещё между собой мой спешный драп обсудили, отчего сын пришёл несколько накрученный.

- Да мысль дельная появилась, надо было срочно проверить.

- По поводу мамы? – Иван аж напрягся весь в ожидании ответа. Подошёл ближе и только сейчас заметил мои приготовления. – А ты куда? Что-то узнал?

- Да, Вань, надо срочно проверить догадку, глядишь и срастётся что-то.

И тут будто нашептал кто-то на ухо, не особо заботясь о последствиях выдал:

- Тогда, в лесу, я кое-что видел. Такое, что до сих пор сам себе с трудом верю. – сын напрягся ещё больше, ожидая продолжения. – Космический корабль.

Иван выдохнул и как-то скис.

- Ба-а-ать... - и переминаясь с ноги на ногу продолжил: - Тебе бы отдохнуть, или провериться там сходить, нервы подлечить...

- Вот именно поэтому я никому ничего и не говорил. – я назидательно наставил палец на отпрыска, - Себя представь на моём месте. Увидел такое, что даже сам себе поверить не можешь, а Расскажи кому – лечиться предложат, а не помощь в поисках.

- Ты поэтому так себя на поисках вёл, ну... без энтузиазма? – старший детёныш, видимо, как-то принял мои слова, ну или хотя бы попытался. – В инете сутками что-то искал. Про похищение инопланетянами, да?

- И про это тоже. Только всё без толку. Про пришельцев там что угодно, кроме нужного. След обнаружился там, где я и предполагать не пытался.

Кратко пересказав сыну всю эпопею с моими изысканиями, я попутно записал в телефон номера всех трёх контор и уже начал обуваться, когда он предложил свою помощь в проверке адресов.

- Батя, если ты всё равно пока только посмотреть едешь, давай я с тобой, ну прикрою там, если что, или замечу чего. В четыре глаза явно эффективнее будет.

- Так-то ты прав, но во-первых, хрен их знает – какие у них там технологии и что они про нашу маму знают. Вдруг увидят сразу двоих её родичей возле своего офиса и свалят. Либо нас с тобой свалят. Тогда толку от такой разведки будет один сплошной минус, а случись что с тобой – наши старики этого могут и не пережить.

Сын погрузился, но было заметно, что продумывать варианты своего участия не перестал. Я же тем временем продолжил.

- А во-вторых, случись что со мной, кто-то должен остаться – помогать младшим и старикам, да и рассказать обо всём, что я тебе тут выдал.

Мы помолчали, думая каждый о своём. Внутренняя борьба молодого и далеко не глупого парня явственно отражалась на лице. Он прекрасно понимал мою правоту, но и отказаться от

участия в поиске матери, а то и в справедливой каре похитителей, чем чёрт не шутит, было для него очень тяжело.

- Ну и главное, мать увезли туда, - я показал пальцем в потолок, прервав затянувшееся молчание, - а добраться туда можно только через тех, кто сейчас, я надеюсь, всё ещё по одному из этих трёх адресов. И как их уговорить вернуть маму, я пока в душе не чаю. Ладно, двигать пора.

Протянул было уже руку к двери, но Иван перехватил её и неожиданно севшим голосом с тревогой просипел:

- Пап, ты только возвращайся, хорошо?

Тут и мне горло сдавило, да так, что с трудом удалось проглотить упрямый комок. Обнял сына и уже почти нормальным голосом ответил:

- Ты ж меня знаешь, очертя голову я не полезу, а уж если что случится, то сами будут виноваты. – тут Ванька неуверенно ухмыльнулся, видимо, вспоминая пару эпизодов из жизни, когда нехорошие люди хотели сделать плохо нашей семье.

Есть такие люди, которые вследствие скудости ума и воспитания принимают доброту и вежливость за слабость. Вот и эти оба раза быковатые хомо эректусы решили, что мирно гремящие железками мужики суть – терпилы, за счёт которых можно и нужно улучшать своё благосостояние и тешить чувство собственной важности.

В самом начале нулевых, недобитым в девяностых браткам приглянулась наша недавно объединённая мастерская. Приехали бригадой из пяти рыл, зашли в основной цех и поначалу даже пытались разговаривать. Но то ли вещества в крови, то ли природная борзота переговоры быстро низвели до угроз, порчи имущества и рукоприкладства. В тот день я впервые узнал, что способен на такое бешенство.

Пока они угрожали и ломали что под руку подворачивалось, во мне только начинали закипать фекальные массы. Но когда согнулся от удара под дых батя, крышечку таки сорвало. Как потом рассказали родичи, никто даже заметить не успел, как я уработал двоих супостатов художественно переосмысленным рычагом КПП от ГАЗ 53, на котором когда-то работал тесть. Художественное переосмысление состояло в кустарно отлитом из пластмассы угрожающих размеров фаллоимитаторе на месте набалдашника. По словам тестя, его начальник в те годы был тот ещё хрен, но с чувством юмора. Собственно, сие поделие предполагалось тому в подарок при проводах на пенсию. Однако, в последний момент коллегиально решили, что это всё-таки перебор, поэтому ограничились спиннингом, а фаллический символ прозябал настольным украшением до самого своего героического применения.

В общем, когда наше численное и тактическое преимущество стало очевидно для обеих сторон, в бой вступили остальные. Всего через минуту враг был разбит на голову, позорно бежал, роняя раненых, выбитые зубы и комки навоза, а наш дружный коллектив после зализывания ран и генеральной уборки отпраздновал победу, а героический рычаг, доселе валявшийся в ящике с железками марки «авось пригодится», занял своё почётное место на центральной стене между телевизором и флагом ВЛКСМ. Последствий, как ни странно, не случилось. То ли нас зауважали, то ли браткам было элементарно стыдно, что оказались биты пластиковым писюном.

Не прошло и полгода, как события повторились, только в этот раз было уже совсем невесело. Эти особи имели куда более серьёзные намерения и характерный кавказский акцент. Пока мы, гражданские шпаки, мялись в сомнениях, прошедший две командировки на Кавказ старший брат Борис, имевший к этому акценту особую аллергию, уже сделал выводы и приготовился к худшему.

Весёлого мордобоя с дальнейшим празднованием не получилось. Зато получился перелом лучевой кости у Борьки, пуля в окороке у меня и четыре трупа, закопанных в лесу. Пока мы с братом отлёживались дома, отцы ликвидировали следы преступления: прикопали покой-

ников, залили пол в мастерской свежим бетоном и переработали вражеский «Гелик» едва ли не в опилки. Говорят, тесть чуть не плакал, уничтожая добротную и весьма дорогую для нас машину, но дело своё делал на совесть.

Этот эпизод в жизни стал таким переломным моментом, которые радикально что-то меняют в голове и в душе. Едва поняв по борькиным взглядам и поведению, что ситуация пиковая и радикальных мер не избежать, я только на секунду представил, что мстить могут не только мне лично, но и Лиде с детьми, внутри меня будто сорвали предохранитель с запрета на убийство себе подобных. А любая угроза детям, сначала своим, а со временем и детям вообще, превратилась в некий триггер, провоцирующий с трудом контролируемую ярость.

- А если всё-таки задержусь, значит я их нашёл и теперь ищу маму. – уже вполне уверенно улыбаясь, я похлопал сына по плечу и решительно шагнул за дверь.

Обзвон попавших под подозрение организаций сразу почти наверняка отсеял одну: контора располагалась в самом центре, работала, судя по отзывам, не первый год и приглашала на собеседование только в конце недели, так как соискателей очень много. Две других базировались на окраинах, встретиться предлагали прямо сейчас, если мне удобно, и я двинул к ближайшей.

Несмотря на первоначальное решение не соваться сразу тигру в пасть, всё-таки пошёл. Во-первых, как известно, нет хуже развлечений, чем ждать и догонять, а я и так уже слишком долго этих контрацептивов вычислить пытаюсь, когда Лида неизвестно где и что с ней. А во-вторых, я не совсем безобиден для простого обывателя. Самодельный нож в ножнах, пристёгнутых к голени, и за ремнём сзади тот самый трофейный Макаров, пулю из которого я поймал мясной частью бедра почти два десятка лет назад. Ибо у хозяйственного мужика и бычий хвост – верёвка. И пользоваться я этим железом умею. Может не на уровне специалиста, но уж уверенного пользователя точно.

Старое, советской постройки, двухэтажное административное здание в промзоне, как попало облепленное рекламными баннерами, сайдингом и ещё родной, видимо, обсыпавшейся штукатуркой, встретило меня длинным извилистым коридором, из которого без провожатого можно и не выйти. Офис оказался в самом дальнем углу, был гулок, пуст и от того неуютен. В разных углах помещения за экранами ноутбуков на куцах столах сидели два мужика. Оба в серых деловых костюмах, но если дальний, у окна, был похож на обычного менеджера с приклеенной лыбой, то второй больше напоминал грузчика или охранника, который случайно влез не в свою форму одежды.

- День добрый. Я вам звонил полчаса назад. – поприветствовал я обитателей унылого помещения, попутно осматриваясь. Два стола, четыре стула, одинокая светодиодная панель на потолке и вторая дверь справа, за спиной «грузчика», вот и всё убогое убранство офиса, долженствующего завлекать людей на высокооплачиваемую для рядовых обывателей работу.

- Да, да, здравствуйте, проходите сюда, - затараторил «менеджер» обильно жестикулируя из-за своего ноутбука, - вот на этот стул, пожалуйста.

«Грузчик» же только кивнул в ответ, всего на долю секунды оторвавшись от своего монитора. Наверное, очень занят, хотя, где-то на краю восприятия мелькнуло, будто он смотрит не на экран, а сквозь него. Ну, может косоглазие у мужика, кто его знает.

Я аккуратно придавил мягкое седло офисного стула, устраиваясь поудобнее так, чтобы ПМ не сильно давил на поясницу. Опыта подобных собеседований у меня за полной ненужностью не имелось, поэтому предоставил инициативу собеседнику.

- Расскажите, пожалуйста, где мне предстоит работать – о фирме, о вакансии, какие условия, зарплата?

- Э-э-эм... - «Менеджер» замялся, видимо, разговор пошёл как-то не так, - Видите ли, обычно мы начинаем с опроса соискателя – подходит ли он нам. Работа довольно тяжёлая, часто – в трудных условиях, поэтому рациональнее продолжать собеседование с теми, кто

имеет подходящие физические и психологические кондиции. Но можно сделать и исключение. – мужчина доверительно улыбнулся, а затем начал выдавать, судя по всему, давно заученный текст.

Когда стороны узнали друг о друге все интересующие подробности, собеседник встал и, делая приглашающий жест, заявил:

- Ну что ж, по результатам собеседования вы нам подходите. Осталось только пройти медицинскую диагностику.

Я встал одновременно с грузчиком, который открыл вторую дверь, щёлкнул выключателем и махнул рукой, дескать «заходи». Если до этого момента всё было вполне обыденным и скучным до зевоты, то сейчас я напрягся. У них там что, медкомиссия сидит в полном составе?

Не дожидаясь меня, молчун зашёл в соседнюю комнату и стоя ко мне боком начал какие-то манипуляции с невидимым из-за угла предметом. Тут и болтливый подошёл, приглашая вслед за первым.

- Вас это может удивить, но нам удалось приобрести новейшую южнокорейскую разработку – компактный медицинский диагностический комплекс. Они ещё не попали на мировой рынок, поэтому...

Молчаливый «Грузчик» тыкал в сенсорную панель какого-то кокона, не то металлического с имитацией древесной текстуры, не то деревянного с перламутровым отливом, с прозрачной купольной крышкой. И конструкция эта была не просто футуристичной. Она имела к Южной Корее в частности и к планете Земля в целом такое же отношение, как я – к альфацентаврианской аристократии. Даже не вникая в подробности, общая чуждость предмета человеческим представлениям о дизайне настолько бросалась в глаза, что выводы я сделал быстрее, чем «Менеджер» договорил фразу.

Если ещё минуту назад я был готов выделить этим ребятам не больше тридцати процентов вероятности того, что именно они причастны к похищению Лиды, после чего с чистой совестью ехать на второй адрес, то сейчас я стремительно тянул из-под ремня увесистый огнестрельный аргумент против инопланетного вторжения.

Не сказать, чтобы я отточил это движение до автоматизма, но до сотни повторений сделал и сейчас выхватил ПМ довольно резво, даже успел снять с предохранителя и дослать патрон. Однако за то же время болтун успел нырнуть обратно за угол, а молчун ещё более стремительно выхватил какую-то серую помесь водяного пистолета с кондитерским шприцем.

«Похоже, всё-таки охранник, а не грузчик» - успел подумать прежде, чем всё началось и даже кончилось

На фоне оглушительного в небольшом помещении хлопка Макарова серый шприц пшикнул совсем неслышно. Я почувствовал удар и скрежет твёрдого острия по ребру, успел увидеть наливающееся красным пятно на белой рубашке «Охранника», после чего отъехал в беспамятство, даже не долетев до пола.

Глава 3. Вот, зарыт в амбаре пулемёт.

Пробуждение состоялось плавно и как-то даже нежно, будто в детстве, когда ты юн, полон сил, хорошо выспался, а на дворе лето и торопиться некуда. Странно, лежу на мягком и упругом, вроде плотного поролона, никаких запахов не ощущается. Из звуков только собственное дыхание с пульсом, а глаза слиплись так, что не разодрать. Хотя свет сквозь веки пробивается.

Протянул руки к лицу, по пути задев пальцами что-то твёрдое и гладкое над собой. Быстро ощупал всё вокруг. Лежу абсолютно голый в чём-то овальном вроде... того самого диагностического комплекса. Замуровали, демоны?

Начал раздирать ссохшиеся веки. Окаменевшая слизь крошилась, отваливалась кусками, часто вместе с ресницами. Да и хрен с ними, важнее срочно оценить обстановку. Пока пробивал

путь зрению, в ногах что-то зашипело, подо мной раздался еле слышный гул, а потом потянуло прохладой.

Ага, один глаз продрал, второй, теперь оглядеться. Ну да, тот самый кокон. Хотя, нет, не тот – похожий. Так как цвет другой, да и над головой не привычная светодиодная панель, а длинная матовая полоса зеленоватого флуоресцирующего нечто. Металлический потолок, металлические стены, открытый колпак кокона, а за ним, со стороны левой ноги, стоит негр. Длинный, худосочный, выражение лица безразлично-брезгливое.

Увидев, что я обнаружил его присутствие, негр что-то заговорил. Язык не то что незнакомый, а просто даже сравнить не с чем. Ничего похожего на всё, что доводилось слышать во всеобъемлющем интернете, включая разнообразные африканские диалекты. Не то чтобы я заделался доморощенным лингвистом, но определить приблизительную географическую принадлежность человека по некоторым фонетическим особенностям речи в наше время при желании может любой, у кого всё в порядке с музыкальным слухом. Тут же не возникло даже отдалённых ассоциаций.

Негр завис, расфокусировав взгляд, при этом у меня в голове разом заматались тысячи мыслей. Мозг будто завибрировал, не давая сосредоточиться, и так же внезапно, как началось, всё прекратилось. Чёрный пришелец, ну а кто же ещё, говорящий на незнакомом землянину языке, в футуристичном комбинезоне, повторил первую свою фразу. И я её понял. И проникся.

- Вставай, мясо.

Вот так, значит. Мясо. Походу, моё предположение о том, что они к нам именно за людьми прилетают, только что подтвердилось. Собирают нас, как бесхозное барахло, и увозят. Жрут они нас что ли? И Лиду, поди, сожрали уже?

По мере развития этого внутреннего монолога, из тёмных глубин подсознания стремительно всплывала старая добрая бешеная ярость. Ещё не зная, что сделаю в следующую секунду, я сел на своём лежбище, неторопливо развернулся, свесив ноги, и соскочил на пол лицом к брезгливому гуталину. Тот неуловимым движением ухватил меня правой клешней за горло, крепко так схватил, неожиданно крепко для такого тощего телосложения, и уже начал поднимать в мою сторону левую с зажатым в ней разомкнутым пластиковым браслетом большого диаметра. Оружие что ли? Ошейник? Ах ты, падла!

Прежде чем сообразил что творю, сделал ногами короткий разворот, скручивая позвоночник, шейные позвонки при этом жалобно хрустнули, и выстреливая вперёд правую кисть.

Когда много лет работаешь с металлом, руки будто перенимают часть его прочности. А если без лирики, то заскорузлые пальцы слесаря всяко твёрже нежных щупальцев обывателя, не привыкшего держать в руках ничего страшнее телефона. И эти вот закалённые в масле и железных опилках пальцы, в количестве двух штук, я и воткнул в наглые зенки людоеда. Глубоко. С омерзительным хлопом.

И если средний ожидаемо упёрся в заднюю стенку глазницы, то указательный столкнулся с неожиданным препятствием. Глаз-то, похоже, искусственный. Но это уже не важно, так как злодей, утробно хрюкнув, ослабил хватку и начал оплывать на пол.

Я придержал падающее тело и на всякий случай сунул всё те же героические персты к сонной артерии. Пульса не было. Нежный какой-то инопланетянин попался. От болевого шока загнулся что ли? Да и хрен бы на него.

Получив кровавую жертву, ярость поутихла, мысли пошли более хладнокровные, но никаких эмоций от сделанного не колыхалось. Во-первых, это уже не впервые, а во-вторых, он первый начал. И вообще, чего они? Сами виноваты короче.

Так-с, и что мы имеем с гуся? А с гуся мы имеем шкварки. В качестве шкварок – непонятный комбез, который ещё надо понять, как с трупа снять, ибо сверкать голым волосатым задом как-то не по-джентльменски. Сбоку на комбезе чехол или подсумок, похожий на кобуру, а в ней тот самый плод противоестественной любви водяного пистолета и шприца. Ну и всё. Кар-

манов нет, баулов, сумок, чемоданов тоже. В комнате, помимо кокона, голые стены, изрезанные геометрическими узорами, а может это какие-то технологические коммуникации. Может среди этих линий какие-то встроенные шкафы есть, но мне точно не по глазам. На попытки надавить руками или подцепить края не реагируют.

Ладно, займёмся пока тем, что в ручонки загребущие попало. Пистолетик с характерной рукоятью, вместо спускового крючка – ребристая кнопка, предохранительной скобы, бойка и видимой затворной рамы нет вообще. Зато над стволом, где у водяных пистолетов ёмкость с водой, приспособлен упитанный цилиндр. Надо опробовать это чудо враждебной техники.

Навожу ствол на одну из стен, давяю кнопку, раздаётся знакомый «пшик» и в стену втыкается с десяток тёмно-серых, почти чёрных игл. А неплохо так. Мне понравилось. Надо бы ещё на одиночные и короткие очереди потестить, явно же силой нажатия на кнопку регулируется, да только цилиндра запасного с боеприпасами нет, и сколько осталось в имеющемся, тоже не нарисовано.

А вот с комбинезоном случилось фиаско. Никаких застёжек нигде не обнаружилось и горловина растягиваться отказалась, а других способов вытряхнуть труп из шкурки я не придумал. И даже окровавленные пальцы об него вытереть не получилось, ибо скользкий аки тот вездесущий пластик. И вообще ни одной тряпки вокруг. Ну как так-то? Что ж, придётся пока гордо нести в массы мускулистый образ Геракла, разрывающего пасть писающему мальчику.

В таком интригующем виде меня и застал тихий шорох разъезжающихся на одной из стен панелей. Метнувшись за кокон, я выставил из-за укрытия иглострел, игломёт, или как его там, и тут же дал две коротких очереди в появившиеся фигуры. Сомневаться там было не в чем – оба персонажа тыкали в дверной проём оружием.

Первый, с таким же игломётом, оправдал ожидания и завалился вперёд. А вот второй, с громоздкой бандурой в обеих руках, неприятно удивил: мало того, что иглы срикошетили от его костюмчика, больше похожего на скафандр, чем на уже знакомые комбинезоны, так он ещё и рыбкой нырнул под защиту другого бока моего кокона.

В этот момент отсутствие одежды сказалось как никогда остро. Не припомню, чтобы когда-нибудь чувствовал бы себя настолько же уязвимым. И что делать? Пустая комната, посередине – одинокий прыщ кокона, выход, как и враг – по другую сторону. У врага – какой-то страшный бомбошвыр и неуязвимая для моих зубочисток броня. И я против всего этого с голой пяткой, причём буквально. Аж зубами заскрипел от бессилия.

На всякий случай улёгся на пол и вжался в угол между полом и коконом, благо, его пока-тый бок малость прикрывал сверху. Пока пытался прикинуться плинтусом, начал шевелить мозгами: ситуация, конечно, швах, но будь у злодея полный иммунитет к моей пукалке, вряд ли бы он стал шкериться, вышел бы, да отстрелил всё, что по его мнению мне лишнее. Но нет, сидит и гадость замышляет. Тьфу, мля, да он же не в шлеме каком-нибудь, башка-то босиком, и даже лысая. Вот и уязвимость. В голову попадать – не то же, что в тушку, но и расстояние тут буквально – в упор.

Пока я всё это обдумывал, враг завозился, что-то стукнуло в пол с той стороны и тут же бок, торчащий из-под укрытия, обожгло, кажется, аж зашкворчало. Следом брякнулся в перекате уже с моей стороны лысый броненосец. Я зашипел не хуже свирепого кота и от души полоснул очередью по вращающемуся телу. Во все стороны опасно засвистели рикошеты, а тело долетело до стены и замерло там в нелепой позе «стрелка из копчика по лампочкам».

Засранец перепрыгнул кокон и пальнул в меня из своей базуки, но малость промахнулся, видимо, не ожидал, что я так глубоко протиснусь, поэтому только обжёт бочину. В полёте прикрывал второй рукой уязвимую часть тела, но щедрая очередь нашла-таки щёлку в обороне: пара игл торчала у самого среза воротника.

Опасливо выглянув из-за укрытия и не обнаружив там новых действующих лиц, я метнулся к поверженному противнику и завладел новым оружием. Невольно выдохнул: да как он так ловко управлялся с эдакой шпалой, в ней же полпуда, не меньше?

Провёл экспресс-тест приобретения – пальнул в ту же стену, где ещё торчали иглы от предыдущей пристрелки. Бандура плюнула сгустком голубоватой энергии, типа шаровой молнии или фаерболла. На стене появилась живописная подпалина, а на корпусе пушки рядок ранее незамеченных белых светящихся индикаторов сменился красным, однако, быстро возвращая себе прежний цвет. Интересно, а индикатор батареи тут есть или оно вечное? Или тут реактор встроенный? Столько вопросов, а ответить некому. Ладно, пойду, поищу – в кого ещё пострелять.

Дизайн коридора ничем не отличался от убранства покинутой комнаты, только без кокона. Так, слева тупик, а справа Т-образная развилка. Медленно, приставным шагом двинул к развилке вдоль стенки. Бомбошвыр, падла, немилосердно оттягивал руки. Вот вроде с железом всю жизнь работаю, а именно такое упражнение на выносливость практиковать не приходилось, оттого и тяжело.

Блин, надо было игломёты брать, оба. Вернуться что ли? С этой мыслью я подошёл к концу коридора и выглянул за угол. Там мялся чернявый парень лет тридцати, который, при виде направленного на него ствола, бухнулся на колени и запричитал:

- Не стреляй, не стреляй, я без оружия, сам в рабском ошейнике, видишь? – чернявый задрал подбородок, оттопыривая большим пальцем такой же серый браслет, с каким ко мне сунулся первый встреченный тут абориген.

- Ты кто? – задал я потрясающий своей глубокомысленностью вопрос. И тут же едва не выронил базуку: «Я же не по-русски это сказал, а на том же неизвестном языке!»

- Фуркан меня зовут. В прошлом году поехал в Стамбул работу искать, а меня сборщики упаковали и сюда. Проснулся в медкапсуле, как и ты – голый и ничего не понимаю. Хорошо хоть нейросеть мне установили «Техник», а не рабскую, сейчас бы уже овощем был. – тараторил новый знакомый, будто боясь, что если не успеет выговориться, то пристрелю его, как немецкого шпиона.

- Так, стоп, хорош пулемётить. Кроме тебя кто тут ещё есть?

- Ну, доктора ты завалил, кэп и второй пилот как увидели, что его метка погасла, метнулись в медотсек. У тебя пушка кэпа, значит ты его завалил, и ушастого Зира скорее всего тоже. А больше тут никого нет. Только новые рабы в криокапсулах спят. – кажется, Фуркан понял, что убивать его не торопятся, поэтому заговорил спокойнее. – А как ты кэпа ухитрился положить-то? У него же плазмомёт, бронескаф, импланты боевые. Хоть и старё, но с голыми руками, если ты не спецназ какой-нибудь, против него было просто без шансов.

- Да я доктору вашему глазки удалил, заодно игломёт позаимствовал. Из него тех двоих и уложил. – не без гордости заявил я, опуская наконец тяжеленный, как оказалось, плазмомёт. – Слушай, а одеться тут есть во что, а то надоело голяком скакать.

Но парняга, кажется, услышал только одно.

- Игольником? Так у доктора он чисто транквилизатор. Не убил ты их, а только вырубил.

- Да штопанный описторхоз!

Я развернулся и рванул обратно, больно долбя пятками в железный пол. Благо, бежать было недалеко. Сзади топал турок, держа почтительную дистанцию в пару метров. Остановившись над первым телом, лежащим в так и не закрывшемся обратно проходе в медотсек, я направил на него жерло плазмомёта.

- Стой! – крикнул сзади Фуркан. – У них нейросети, импланты, всё денег стоит.

- Ладно. А делать-то что?

- Минуту... - он зашарил руками по сторонам своего туловища, и только тут я заметил, что на нём висит что-то вроде монтажного пояса, но с закрытыми, как подсумки, отделениями. Наконец, найдя что-то, протянул это мне, – Вот!

- Отвёртка? Ты серьёзно? – я держал в руке почти привычную плоскую отвёртку, разве что рукоятка слишком тонкая и с поперечной перекладиной на торце.

- Ну, здесь этим откручивать нечего, тут это экстрактор для извлечения... да какая разница, более подходящего под рукой всё равно ничего нет.

- И то верно.

Я ухватил инструмент поудобнее и начал прицеливаться в глаз. Или лучше под основание черепа? Не уверен, что смогу в сердце попасть. И даже достать до него. Да ёпт, выбор, достойный матёрого душегуба. Всё-таки убивать врагов на кураже, в противостоянии – совсем не то же, что вдумчиво добивать безвольное тело.

-Ты это, поторопись что ли. – успокоившийся было Фуркан начал нервно переминаясь с ноги на ногу. – У кэпа импланты боевые, его организм транквилизатор быстро переработает, и тогда нам хана.

Что это всё такое – импланты, нейросети, медкапсулы, где мы вообще находимся и другие увлекательные истории, было малопонятно и очень интересно, но начинать расспросы как-то несвоевременно. Поэтому пришлось решаться на поступок, от которого с души воротило и цивилизованный гуманист во мне яростно сопротивлялся, но рассудок однозначно подтверждал: «Надо, Федя, надо».

Выдохнув, пристроил острие отверт... то есть экстрактора к месту стыка черепа с позвоночником, примерился, стиснул зубы и коротко ткнул основанием ладони в перекрестье рукоятки. Падла, будто для этого и делали.

Лежащее тело содрогнулось, мелко затряслось, шумно выдохнуло и вроде как расслабилось. Я тоже вроде как расслабился, но, похоже, рановато. Лежащий «дулом» кверху кэп дёрнул ногой, завалился набок и издал то ли скрип, то ли стон.

Мы с Фурканом подскочили к нему, не сговариваясь, распределили роли: турок начал переворачивать тушку спиной ко мне, а я приготовил инструмент для эвтаназии на втором пациенте. Однако, пациент был с процедурой не согласен. Открыв глаза, он быстро проморгался, оценил диспозицию и лягнул моего подельника так, что тот перелетел через кокон медкапсулы и что-то невразумительно мявкнув при падении, затих.

Я же, пытаясь удержать «прицел», во-первых, не сразу понял, что твёрдый воротник скафандра едва-едва, но скрывает от меня основание шеи, а во-вторых, приходящий в себя враг начал поворачиваться в мою сторону.

Чёрт, я же сейчас опять с голым задом против этого броненосца окажусь! Уже не думая ни о чём, выпустил отвёртку и схватил его голову в «замок». Кэп же стремительно оживал: зашевелился активнее, вцепился клешнями мне в руки, пытаюсь расцепить захват. Когда понял, что не получается – начал, курва, долбить локтем мне в бок. Обожжённый, етить его дивертикулу, бок!

Согнувшись от боли, я взвыл тоскливой собакой и что было сил навалился на руку, которой упирался в затылок живучего супротивника.

Наверное, боевые импланты – штука ценная и в бою весьма полезная, но от перелома шейных позвонков, как показала практика, не спасает. Услышав характерный мерзкий хруст и убедившись, что пациент в анестезии больше не нуждается, я, тяжело дыша, будто после пробежки, откинулся на пол.

Лежал и думал, отпыхиваясь: а что мне мешало ткнуть его в висок или ухо? Да хотя бы и в глаз. Тем более, основы глазной хирургии я уже практиковал сегодня. Запаниковал, да. И вообще, я только что трёх человек голыми руками убил, должен вроде бы страдать, муками

совести пожираемый, а я думаю о том – какого хрена человеку шею сломал вместо того, чтобы отвёртку в ухо сунуть по самый мозжечок.

А вот хрена с два, не признаю я в них людей. Уроды людоедские. Или рабовладельцы? Турок что-то про рабский ошейник говорил. Один хрен – нелюди, которых из человеческого общества удалять положено любыми доступными способами.

Ладно, хорош валяться, почки простужу. Кстати, как там мой боевой товарищ?

Товарищ валялся в неестественной позе, ну труп трупом. Однако, при моём приближении открыл глаз и опасливо скосил его в мою сторону. Убедившись, что это именно я, расслабленно выдохнул и закопошился, пытаюсь есть.

- А я уж думал – всё, утилизатор мне светит. Кэп видел, что я тебе помогаю, не простил бы.

- Да всё, проехали. Его самого теперь утилизировать надо. – я устало уселся в самое родное здесь место, в мягкое ложе медкапсулы. - Слушай, так есть тут одёжка хоть какая, а? Да и бочину мне починить надо бы.

Оглядев многострадальный бок, увидел, что там всё довольно отвратно: кожа аж до середины бедра красная от ожога, ближе к пояснице лопнувшие волдыри, а на рёбрах ко всему прочему ещё и наливающиеся колером здоровенные гематомы, и сочащиеся кровью трещины на запёкшейся шкуре. Хренасе, и как я это сразу не заметил? Ну ладно, гематомы и трещины – это носорог лысый мне локтем раздолбал, но хрустящая корочка? От увиденного что-то аж подурнело.

- Это у тебя после разморозки чувствительность ещё не восстановилась. – просветил меня Фуркан, поняв мой внутренний диссонанс между увиденным и ощущаемым. - Надо бы тебя обратно в капсулу положить, пока шок не случился. Вот только ты доктора уколошил, а у меня медицинских баз нету.

- Что за базы и где их взять?

- Базы знаний по медицине. Купить на станции, либо на планету какую-нибудь лететь. Только у нас денег нет, и всех пилотов ты поубивал. – турок был лаконичен, но вот прям нифига не прояснил, кроме того, что это не быстро и недёшево.

- И чего делать?

- Ложись давай, попробую вручную запустить. Я же техник всё-таки, да и не совсем дурак, разберусь поди. – он начал подниматься с пола, кряхтя и постанывая. – Да и меня бы не помешало подлатать. Эта свинья мне, похоже, рёбра сломала.

Глава 4. Дивный новый мир.

Второе пробуждение оказалось ничуть не хуже предыдущего, несмотря на приснопамятные травмы. Разве что глаза открылись без проблем и чувствовал я себя куда бодрее сразу, а не через несколько минут, как в прошлый раз.

Так, а это ещё что? Перед глазами прямо в воздухе ритмично мигала красная точка. Будто на стекло прямо перед носом села божья коровка. И с закрытыми глазами точка никуда не делась. Что ещё за напасть?

Вытянув руки, толкнул вверх колпак медкапсулы, раздались уже знакомые звуки и колпак уехал к потолку. Сел, огляделся. Трупы валяются на своих местах, а напротив, привалившись к стене сидит техник и, кажется, спит.

- Фуркан, вставай, почки простудишь, – когда турок поднял голову, спросил: - как там твои рёбра?

- Хреново рёбра. – парень говорил с нехорошим похрипыванием. – Лёгкое продырявило, кажется. На, вот. Разберёшься.

Придерживаясь одной рукой за травмированное место, другой подтолкнул ко мне рулончик того же цвета, что и его одежда.

Я легко соскочил с насеста и быстро подошёл к товарищу по несчастью. Даже как-то слишком легко, будто в ранней молодости.

- Давай-ка теперь тебя починим, - аккуратно подхватив его под руку, поднял и повёл к освободившемуся кокону, - залезай.

- Погоди, капсула так не работает, шмотки снять надо.

Он прижал сложенные вместе указательный и большой пальцы, будто ухватил бегунок застёжки-молнии, и провёл ими от горла к паху. Костюмчик тут же отслоился, будто шкурка с варёной сосиски, и сполз на пол, а сам болезный, застонав, перевалился через низенький борт капсулы.

- Хорошо, что свидетелей поубивали, - ворчливо пробормотал я, примериваясь к размотанному рулончику выделенной мне одежды, - а то два голых мужика в комнате с одностельной кроватью – это уже извращение.

- Так ты только из-за этого их замочил? – Фуркан тихонько хохотнул и тут же закашлялся. – Не, брат, я не из этих. Сколько себя помню, мне женщины нравились.

- Не поверишь, я тоже не из этих. – справившись с непривычной одеждой, наконец-то почувствовал себя одетым. Будто бронезилет надел, а не тоненькую тряпочку. - Урождённый неизлечимый лесбиян.

- Да не смеши ты, больно же! – содрогался попеременно в смехе и кашле бедолага.

- Ладно, объясняй – как тебя лечить. Да, и что у меня за красная точка перед глазами, ты не знаешь случайно?

- Вот шайтан, забыл совсем. Это нейросеть у тебя установилась. Сосредоточься на этой точке и сильно захоти на неё нажать. А потом просто следуй инструкциям.

Я нажал. И захотел. Точка мгновенно превратилась в текст: «Выберите способ коммуникации: 1 – текстовый; 2 – голосовой». Вот так просто? Прикольные тут технологии. Ну, хорошо, к делу. Текст перед глазами мне уже сейчас мешает, значит – голосовой. Жму.

«Вас приветствует нейросеть «Техник 3». Выберите голос: 1 – мужской; 2 – женский; 3 – унисекс; 4 – механический». – прозвучал прямо в голове голос, очевидно – механический. Экий тут сервис, однако. Но пункт 4 точно нет. Слишком искусственный, жизни в нём нет совершенно.

«А озвучь-ка мне первые три варианта».

Нейросеть озвучила. Унисекс сразу мимо – чересчур живо напоминает какого-нибудь жеманного трансвестита из современных фильмов. Женский – ну ничего так, нормально. А вот мужской напомнил что-то до боли знакомое.

«Мужской голос сделай чуть выше и произнеси им фразу: «Три магнитофона, три портсигара золотых отечественных, куртка замшевая». И голос произнёс. По-русски. Вот нифига себе, аж домом повеяло!

«Выбираю пункт 1. И имя тебе будет – Шпак, Антон Семёныч».

«Принято. Голос мужской. Присвоено имя - Шпак, Антон Семёныч». – как-то слишком официально для своего киношного прототипа ответила нейросеть.

«Не, так дело не пойдёт. Ты можешь больше человеческих эмоций в голос добавить?»

«Чувственно-эмоциональный синтезатор не входит в базовый пакет нейросети «Техник 3».

«Жалестно. Ну, хотя бы сменить язык с делового на разговорный можешь?»

«Переход на разговорный стиль общения с реципиентом возможен».

«Ну так переходи. Да, откликаться можешь на «Шпак» и на «Семёныч».

«Договорились».

«Вот, так гораздо лучше. А скажи-ка мне, Семёныч, как мне запустить медкапсулу, чтобы товарища вылечить?»

«Такой информации у меня тоже нет, но ты сам можешь посмотреть меню». – передо мной, прямо на стеклянной крышке кокона появился интерфейс аппарата, где зелёным подсвечивалась самая первая функция, видимо, подразумевающая, что именно с неё и надо начинать: «Диагностика». Ладно, война план покажет. Жму «Диагностику». Агрегат тихо шипит, гудит и чем-то подсвечивает. В общем, работает.

Не прошло и минуты, как перед глазами вылез диагноз. Собственно, как и ожидалось: перелом двух рёбер и трещины ещё в двух, правосторонний пневмоторакс, внутреннее кровоотечение, гематомы, лёгкое сотрясение. Что там дальше? Пум-пурум-пум-пум... это мы не проходили, это вообще хрен пойми что такое... ага! Комплексная регенерация! Жмём на неё.

Появился таймер с обратным отсчётом: одиннадцать часов и двадцать минут. И это на сращивание костей? Феноменальные технологии! Так, лечение запустили, одежду примерили, с нейросеткой познакомились. Надо бы оглядеться.

Вышел в коридор и огляделся, но уже с подсказками от встроенного помощника. Тупик слева оказался дверью лифта, доступ в который мне был запрещён. Слева за Т-образной развилкой – вход в рубку, куда меня тоже не пустили. А вот справа значилась кают-компания, дверь в которую гостеприимно распахнулась без моего участия. Озираясь, как вышедший из лесу дикарь в Эрмитаже, я оглядывал небольшое помещение, где из более-менее знакомого был только стол посередине в окружении явно приваренных к полу скамеек, мягкий диван в дальнем углу и зелёное растение рядом с диваном. Точнее, растение было совершенно незнакомым, но выглядело привычно, как любой незнакомый тропический фикус с матушки-Земли.

Некоторые предметы подсвечивались виртуальным интерфейсом, но большинство осталось безмянными. Из того, что получилось понять, были только тренажёр, выглядящий, как примерочная кабинка с привязными ремнями, и пищевой синтезатор, похожий на потолстевшее дитя холодильника и банкомата. Вот это чудо сумрачного инопланетного гения и помавило меня к себе пуще неволи, ибо жрать хотелось чудовищно. А ведь пока слово «пищевой» не увидел, то и не замечал.

Тщательное изучение меню поставило в тупик, ибо буквально все названия не говорили о своих вкусовых качествах вообще ничего, кроме простой воды. Но так как водой не наешься, пришлось рискнуть и заказать кашу из ёж знает чего с мясной нарезкой из хрен знает кого, а на запивон – неведомый коктейль. Риск, говорят, дело благородное. В крайнем случае вытряхну Фуркана и ещё раз в коконе полежу.

Через полчаса я давил диван, предаваясь размышлениям о превратностях инопланетной кухни. Вот как они могут это жрать? На вкус – разваренные опилки с размягчённым солончатым каучуком. Разве что коктейль нормально зашёл, что-то вроде газированного молока с сиропом из неизвестной науке ягоды. Вкусы еле угадывались, но хотя бы были. Странно, но удобоваримо.

Итак, я на космическом корабле. С чего я это взял? С того, что наличие второго пилота, рубки и кают-компаний ненавязчиво намекают, что я таки на корабле. Учитывая, что я искал инопланетян, нашёл инопланетян, и даже пустил троих на перегонной, а может и четверых, про того «охранника» мне никто не доложил, то корабль таки космический. Осталось всё остальное про окружающий мир выяснить.

Эх, сейчас бы Фуркана допросить, да с пристрастием. Он хоть и в рабстве тут был, по библиотекам не бегал, но всё же год – это достаточно много времени, чтобы начать ориентироваться в местной жизни.

Так, а чем меня может порадовать Антон Семёныч?

«Шпак! Ты тут?»

«Я всегда тут. Чем могу быть полезен?»

«А скажи-ка мне, есть тут какие-нибудь источники информации об окружающем мире, политике, экономике, социуме?»

«В доступном мне секторе корабельной инфосистемы имеется нейрограмма «Интеграционный курс для новых граждан Содружества». Нейрограмма бесплатная и находится в свободном доступе. Скачать?»

«Будь любезен. Тем более, если бесплатно».

«Готово. Установить?»

«Э-э-э... куда?»

«В отделы долговременной памяти мозга».

«И как это всё будет выглядеть?»

«Как любое обычное долгосрочное запоминание».

«Ну, если так, то давай, устанавливай».

«Процесс пошёл. Время до окончания: 24 минуты. На это время попрошу не беспокоить, так как вычислительные мощности у меня скромные».

Ух ты, последняя фраза прозвучала как-то уже почти по-человечески. Ладно, без малого на полчаса я снова в гордом одиночестве. Ещё пожрать что ли?

Уже знакомое ощущение бешеного роя мысли застало меня за вполне узнаваемым железным десертом. «База установлена» - запоздало оповестил Шпак. «Так-с, во что мы там вляпались?» - облизывая ложку спросил я у пустого помещения.

Знания пошли, как давно забытые, но легко восстанавливаемые воспоминания. Оказывается, жизнь во вселенной не просто есть, её прямо дохрена и ещё чуть-чуть, в том числе разумной, причём львиная доля этой разумной жизни очень даже гуманоидная, а большинство разумных рас так и вовсе люди. Ну, может с незначительными отличиями. И рептилоиды, на радость земным конспирологам, тоже имеются. Правда, пакость та ещё: религиозные фанатики, консерваторы, шовинисты, не гнушаются людоедством.

Есть люди-кошки, люди-медведи, несколько разновидностей эльфов. Люди обычные представлены всеми земными расами, причём сразу несколько человеческих миров – европеоидные. Это хорошо, не буду маячить белой вороной, если придётся контактировать с местными.

«Содружество» и фронтир – исследованная часть нашей галактики, а всё остальное – дикий космос. И вот в этой дикости водится всякая свирепая хтонь, вроде пауков, инсектоидов, рептилоидов и кочевников-номадов, которые вообще не пойми что, гигантские метаморфические амёбы с коллективным разумом. И где-то среди этой хтони сиротливо болтается наша родимая солнечная система с Землёй-матушкой. С чего я это взял? Да живи мы в более густонаселённой части космоса, давно знали бы своё место среди технически более развитых цивилизаций. Ибо шило в заднице не утаишь.

Ещё были какие-то «Древние», от которых остались в основном запчасти. В смысле – обломки построек и кораблей, археологические находки, непонятные артефакты, и куча легенд, причём у всех разумных рас без исключения.

Государственные образования представлены тоже всевозможные – от империй и конфедераций до родоплеменного строя. Причём некоторые родоплеменные сообщества давно и надёжно обскакали землян в техническом развитии. Ну, или удачно освоили имущество заблудших туристов из Содружества, что более вероятно.

Технологии. Вот тут бы наша семейная банда железячников порезвилась на всю катушку. Если не считать уже знакомых нейросетей, медкапсул и пищевых синтезаторов, которые играют, пожалуй, главную роль в жизни большинства местных, ибо дают еду, здоровье и связь, на второе место можно смело водрузить корабли, оружие и искусственный интеллект. Ведь это – транспорт, безопасность и вычислительные мощности. А уж как разыгралась фантазия при упоминании ремонтного дроида, м-м-м...

Плазмой режет, лазером варит, сам отмеряет, сам гайки крутит, только кнопку нажми. Ну, в смысле, команду через нейросеть отдай. Эдак из любого УАЗика можно т-а-а-а-у-ую космическую вундервафлю изваять, прямо не слезая с дивана! Аж фантазия в голове счастливо жмурится и мурчит. Так и вижу, как этот дроид суетится вокруг моего «Патриота», красоту ему наводит, а я лежу и в потолок поплёвываю. Лепота!

А теперь о грустном. Деньги вся эта звездобратия использует с не меньшим энтузиазмом, чем мы, отсталые. Хотя они тут и цифровые, виртуальные, но не менее востребованы. Покупается и продаётся тут всё – от ресурсов и технологий до гражданства и даже продления жизни в разы.

И люди тут тоже товар. По крайней мере в части миров. Тот негр, первый из мною упокоенных, похоже, был как раз из такой рабовладельческой империи под названием Арвар. Кстати, надо это запомнить. Не знаю зачем, но чем-то задним чую, что надо.

В общем, мир победившего капитализма. Сталина на них нет, торгаши проклятые. И тут я почти не пошутил: по некоторым теориям очень неглупых людей выходит, что решение такой глобальной задачи, как массовое освоение космоса, невозможно усилиями частного капитала, так как он имеет ряд ограничений, создающих ему практически непреодолимый потолок возможностей. Да, очень высокий потолок, но выше головы, как известно, не прыгнешь. Хотя, там же какие-то древние были, может в них всё дело? Надо будет у нового друга поинтересоваться.

Усвоение и осмысление большого объёма информации несколько утомило, но скорее разум, чем тело. А так как из медицинского сна я выбрался совсем недавно, то спать не хотелось абсолютно. Пришлось развлекаться тем, что имелось в пределах доступности.

Подрыгался на ремнях в кабинке-тренажёре. Хотя и пытался следовать инструкциям, но без живого инструктора многое оказалось непонятно и оттого неудобно. Хотя, казалось бы: физиология-то у нас тут у всех одинаковая, а вот поди ж ты...

Сунулся к панели, напоминающей плоский монитор, и почти угадал: хреновина называлась – головизор. В вертикальном настенном положении экран показывал обычное плоское изображение, а вот в горизонтальном – вполне реалистичную объёмную голограмму.

Уже потирая ручки от предвкушения, что вот сейчас увижу чужие миры, разнообразных инопланетян в естественной среде обитания, космические баталии, звездолёты всех мастей и прочие чудеса, испытал неожиданно чувствительное разочарование. Память устройства содержала контент исключительно двух направлений: порнуха и мордобой. Для просмотра всего остального предлагалось подключить доступ к неведомому «галонету». Если я правильно понял – аналогу нашего интернета.

Не найдя ничего более информативного, хотел было уже вырубить бесполезный девайс, когда взгляд зацепил название: «ксено». Воодушевлённый мыслью «может хоть тут инопланетян покажут», полез смотреть. И таки показали.

Порнуха с кошклюдьми и крокодилолюдьми может и возбуждала кого-то из местных, но у меня ассоциировалась исключительно с зоофилией. Хотя, мысль о том, что на пятом десятке лет буду смотреть порно в чисто познавательных целях, позабавила. А вот мордобойство всё-таки показало кое-что интересное.

Первым интересным оказался бой мелкого прыткого азиата с двусторонним копьём, на одном конце которого длинный обоюдоострый клинок почти полметра длиной и что-то вроде полумесяца на втором, против здоровенного рептилоида, вооружённого солидными когтями и клыками.

Рептилоид был почти вдвое крупнее азиата, но при этом выглядел по-своему изящно, как это бывает у крупных хищников. Он действовал молниеносными рывками, мгновенно сокращая дистанцию и пытаясь пробить оборону человека. Несмотря на некоторую гуманоидность формы, все движения и повадки у него были характерно рептильные. Будто отравивший длин-

ные конечности варан или змея, он обладал поистине нечеловеческой реакцией и хладнокровием.

Однако, всё это ему не помогло, так как человек, имея сопоставимую скорость, толково строил защиту из своего копья, на острые концы которого приходилась каждая атака динозавра, так же обладал воистину азиатской выносливостью.

Сначала рептилоид гонял человека по здоровенной клетке из каких-то энергетических линий или полей, которые слабо отсвечивали при попадании в них оружием или конечностью, а потом азиат начал гонять уставшего варана, в конце концов припилив того к полу своей пикой.

Второй ролик оказался ещё интереснее: пятеро бедолаг там воевали с огромным пауком, вернее – паукообразным существом, так как конечностей у него было больше и по функционалу разнообразнее, а глаз, как мне показалось, меньше. Из названия следовало, что монстр – это арх-солдат, что бы это ни значило, а против него выживали осуждённые-смертники.

Смертники были вооружены разнообразным холодняком, смотревшимся против хитинового чудовища несерьёзно, а паук выставил перед собой пару остроконечных не то коротких лап, не то длинных суставчатых хелицер. По бокам же наготове торчали педипальпы, оканчивавшиеся зубчатыми, даже на вид очень острыми клешнями. Да и остальные конечности не выглядели безобидными. Не удивлюсь, если он ещё ядовит и паутиной стрелять умеет.

Первые же секунды боя показали, что арх – действительно солдат. Поначалу сбившиеся в кучку люди, рассредоточились полукольцом, выставив по центру лысого мужика с самым длинным оружием – тяжёлым копьём с массивным наконечником, а по концам полукольца двоих с рубящим.

Сразу после сигнала к началу боя, паук не рванул в лоб, а зашёл с фланга, сломав людям тактику, и только тогда совершил рывок, мгновенно проткнув мужика с короткой алебардой и перехватив правой клешнёй древко копья.

Когда остальные ломанулись в атаку, арх грамотно прикрылся орущим алебардщиком, всё ещё насаженным на хелицеру, и не желающим отпускать своё оружие копейщиком. Тем не менее, обойдя хитиновую каракатицу с обоих флангов, двое начали колотить по суставчатым конечностям топором и одноручным мечом, без особого в общем-то успеха. А вот третий, вооружённый только ножом, подобрался с тыла.

В первый момент, когда увидел вооружение группы, решил, что этот мужик – либо профи ножевого боя, либо познал какой-то клинковый дзен. Это против такой-то крокозябры, да с ножом?! Но тут всё встало на свои места: несолидный на вид ножичек без проблем отсек пауку заднюю лапу и вспорол явно бронированную тушку.

Вот только успех оказался временным. Осознав опасность сзади, паук сначала лягнул оставшейся задней ногой ножевика, и пока тот летел, катился и вставал, успел разобрать на запчасти четверых и резво подскочил к последнему оставшемуся противнику.

Опасаясь маленького, но какого-то слишком уж острого ножа, арх на этот раз не торопился. Передвигался боком вокруг пятого, будто пританцовывая и постоянно меняя направление. Мужик в полуприседе крутился вместе с пауком, не выпуская того из поля зрения, и поводил перед собой клинком. Он ещё горячился, что-то покрикивая на непонятном языке и делая намёки на бросок, но было видно, что испытывает он только страх и обречённость.

В какой-то момент паук из бокового перемещения мгновенно перешёл в атакующее, подставил одну из ног, вооружённую двумя чёрными когтями, человек не сплосховал и тут же отхватил конечность посередине, но в следующий миг хищник перехватил руку с опасным ножом клешнёй и подмял под себя жертву, спеленав всеми лапами, как это делают обычные земные пауки.

Страшное зрелище. И впечатляющее. Если бы не знал, что это всё взаправду, подумал бы, что графика. Правда, в отличие от привычной уже голливудщины, тут глаз не улавливал ни

малейшей фальши в движениях существ. Нашим киноделам до такой реалистичной физики монстров ещё далеко, наверное. Хотя, земные нейросети вроде начали что-то реалистичное показывать, но когда это доведут до ума, ещё неизвестно.

Больше в памяти головизора ничего интересного не оказалось. Видимо, контингент на корабле состоял из индивидуумов, весь кругозор которых состоял только из этих двух тем. Ну да и зем... в смысле, космос им стекловатой.

Когда подошло время, отправился встречать больного. Фуркан выскочил из кокона резвым козликом и, едва втряхнувшись в свой комбез, скомандовал расчехлять покойников. На резонный вопрос «где пожар?» ответил, что они уже и без того, наверное, пованивают, а ещё чуть протянем и некоторые ценные импланты могут испортиться.

Мда-а-а, вытаскивать из синтетической оболочки скрюченные трупным окоченением тела, которые уже сутки как расслабили сфинктеры и начали подгнивать кишечником, это дело точно не для брезгливых, слабонервных и прочих скорбных желудком и характером. В процессе я клял себя и турка разными нехорошими словами, включая замысловатые идиомы, что не догадались это сделать сразу. Турок соглашался, сетовал на то, что от боли думать не мог, даже блеванул поначалу, но дело своё делал. Жадность, она такая – стимулирующая.

Благо хоть извлечение имплантов прошло быстро, и уже минут через полчаса, отмывшись в ионном душе, мы сидели в кают-компании, прихлёбывая нечто, отдалённо похожее на цикорий.

- Это самое близкое по вкусу к кофе, что я смог тут найти. – Фуркан был уже не так бодр, но при этом доволен, как кот, набивший кладовку мышами. – Правда не бодрит нифига, но хоть о родине напоминает.

- Цикорий как цикорий. Только жидкий слишком. Ты мне скажи, эти импланты стоили того, что мы тут с тобой вытерпели только что? – фурканова оптимизма я пока не разделял.

- Да ты что! На всё, что мы из этих троих достали, можно несколько месяцев жить безбедно на любой нормальной станции. А попадись нам что-то из последних поколений, то и всю жизнь.

- Мне пока трудно судить о том, много это или мало, поэтому поверю на слово. Ты мне для начала полную диспозицию нарисуй – где мы, что вокруг творится, что делать будем?

- Вот ты умеешь озадачить. Мне что, про всё Содружество тебе рассказывать?

- Знаешь, неплохо бы. Только не с нуля. Базовую инфу для новичков я уже усвоил, а вот с бытовой, так сказать, стороны, своими словами попробуй. Впечатления, самое на твой взгляд важное, что мне знать обязательно.

- Да ты парень не промах, как я посмотрю! – собеседник уважительно покивал, - За полсуток на борту, без посторонней помощи. Может и ещё чего интересного нашёл?

- Видосы на головизоре. Только смотреть особо нечего, кроме пары боёв. И что значит «без помощи»? Нейросеть же есть. – я искренне не понимал его удивления. Что тут сложного-то?

- Пара боёв – это азиат против рептилоида и пятеро против арха? Ну да, это был гвоздь сезона. Говорят, там на ставках целые планеты проигрывали. Ну, не обитаемые, ясное дело. И выигрывали тоже целые состояния. Особенно азиат шороху навёл: на него почти не ставили, само собой, поэтому кто-то озолотился. – Фуркан говорил увлечённо, видимо, тоже азартный зритель. – А насчёт нейросетей ты – скорее исключение. Большинство людей твоего поколения неделями привыкает к тому, что в голове сидит помощник, и месяцами – к новому способу получения информации. Вот молодёжь да, быстро осваивается, даже с совсем диких планет. И почти всем приходится буквально пальцем показывать – где что скачивать и как устанавливать.

- Тут я с тобой, пожалуй, соглашусь – многие с информацией в принципе работать не умеют. Так, и что с нашей обстакановкой?

- С чем? – турок выпучил глаза, силясь понять, это была шутка, шиза или неизвестный науке термин. – Причём тут стакан?

- Извини, - рассмеявшись, я хлопнул его по плечу, - ещё не привык, что говорю не на родном языке. В русском весьма хитрое и очень вольное словообразование, часто основанное на ассоциациях и созвучиях. На другие языки порой просто непереводимо. Конечно, я имел в виду обстановку.

- А, ну тогда ладно, - он облегчённо выдохнул, - я уж думал тебе мозги вывернуло. Обстановка у нас пока терпимая, но если не решить некоторые проблемы, то станет хреново. Мы находимся на корабле типа... ну, примерно корвет. Хотя по факту – это основательно переделанный грузовоз, который укоротили, форсировали, а потом добавили брони и оружия. Экипажа должно было быть семь человек, но кэп пожадничал – сам полетел первым пилотом, док и я – техники, ещё двоих, положенных по штату, собирались разбудить из заморозки. Вот, тебя достали...

- А я их уволил. Кстати, у негра глаз был стеклянный что ли?

- Глазной имплант у него был, дешёвка кустарная с твёрдым штифтом. Ты его в имплант ткнул, штифт попал в мозг, док и скопытился.

- Туда ему и дорога, людоеду. – недобро ухмыльнувшись, посмотрел в пустой стакан. – Чего-нибудь вроде сока там водится?

- Есть такое. Но так как синтезатор древний, как и всё здесь, то на деликатесы не рассчитывай.

- Это я уже понял. Пожевал тут опилок каких-то. Ну, хоть питательно.

- Так это и есть главная функция пищевых синтезаторов – не дать сдохнуть с голоду и обеспечить всеми необходимыми витаминами и прочими микроэлементами. А для разносолов – это что-то от восьмого поколения и выше надо покупать. – он поставил на стол полные стаканы, подвинув один ко мне. – В общем, дела у нас такие: мы сейчас летим в гипере, ну, в гиперпространстве, и лететь будем ещё суток трое-четверо. Потом выйдем из гипера во Фронтир, в системе с одной неоднозначной станцией. На этой станции в принципе порядок поддерживают, но если нарвёмся на корешей кэпа, могут быть проблемы.

- А на другую станцию никак?

- Нам бы на эту как-нибудь попасть сначала. Из всей команды у нас пока только два техника и ни одного пилота. Нейросети мы, конечно, извлекли, но кому их ставить? У меня вот всего сто двенадцать единиц в интеллекте, на «Техника 3» едва дотянул. А у тебя сколько?

- Э-э-э... коэффициент интеллекта что ли? В институте тесты показывали сто тридцать – сто сорок, сейчас не знаю.

- Да не, тут своя система. По ней ориентируются – какие нейросети ставить и для каких работ пригоден. У своей сетки спроси индекс интеллекта – тебя должны были просканировать перед её установкой.

«Шпак, скажи, какой у меня индекс интеллекта?»

«У тебя индекс очень высокий – двести пятьдесят одна единица».

- Говорит – двести пятьдесят один.

- С- кх-кх-кхолько? – Фуркан поперхнулся своим напитком, но это его, похоже, не сильно взволновало, так как смотрел он на меня, как на внезапно заговорившее дерево.

- Двести. Пятьдесят. Один. – отдельно повторил я на случай, если он не расслышал. – Что-то не так?

- А. Хре. Неть. – так же отдельно произнёс он. Видимо, дерево не только заговорило, но и затанцевало. – Я про такой индекс даже не слышал. Ты часом мысли читать не умеешь? Или там восьмизначные цифры в уме перемножать?

- Не замечал за собой такого. Думать – да, умею. С информацией работать. Анализировать.

- Ты там у себя академиком что ли был? Или шпионом-диверсантом?
- Не поверишь, слесарем.
- Гонишь?
- Зуб даю.
- А нафига мне твой зуб?
- Это типа «клянусь».
- А, опять ваш русский язык, - понимающе кивнул турок, - тогда понятно. А вот почему тебя вместо элитного аукциона на нашу лайбу по средней цене продали – не понятно. Ты с таким ИИ всей партии рабов стоишь. Даже из одних землян.
- Чем это мы тут так ценимся?
- Да именно высоким индексом интеллекта и ценимся. В среднем – от ста до ста восьмидесяти.
- А для пилота сколько надо?
- От ста двадцати хотя бы. И не забывай, что надо двоих. Основное время полёта, конечно, автопилот рулит, на простых манёврах справляется искусственный интеллект. А вот на сложных манёврах, особенно в бою, без пилотов вообще никак. И когда мы из гипера выйдем, любой подянки можно ждать, хоть от разумных, хоть от самого космоса.
- Так, в целом я вроде разобрался. Вопросов, конечно, ещё вагон, но с ними разберёмся потом, когда пополним команду. Всё равно их ещё в курс дел вводить. Пойдём доставать замороженных.
- Так это, давай сначала выберем кого будить станем. У меня доступ к списку купленных рабов есть, там всё, что сборщики на каждого составили.

Фуркан активировал головизор и на экране появился список имён с номерами и кучей пока непонятных обозначений. Затем список перетасовался, видимо, товарищ включил сортировку по интеллекту, и в начале списка оказались трое, значительно превосходящих остальных по этому признаку. Первым значился мужчина, с индексом аж в двести двадцать три единицы. Правда, открыв его файл, мы решили, что в пилоты он, к сожалению, не годится. Во-первых, по роду деятельности он был отмечен, как учёный, а во-вторых, в семьдесят семь лет не то что профессию менять, но и вообще проснуться в космосе со всеми сопутствующими новостями – может катастрофически сказаться на здоровье бабушки. За каким чёртом его вообще с планеты выдернули, непонятно. В общем, решили не тревожить старика.

Второй кандидат, с индексом сто восемьдесят, сразу попал в очередь на разморозку: студент, спортсмен, да ещё и в армии служил. Правда, лет всего двадцать два, но с местными технологиями обучения это даже минусом не назовёшь.

Третий без обсуждения сразу был назначен капитаном. Сто шестьдесят девять единиц интеллекта, мой ровесник, пилот гражданской авиации. Не иначе, как самой судьбы кунштюк.

А вот попытка найти в списке Лиду не удалась. Видимо, распродали нас по разным партиям. Обидно, досадно, но ладно. За ней в космос попасть в моих условиях вообще нереально было, но я-то вот он, с инопланетным девайсом в голове, сижу, пью инопланетный сок на космическом корабле. Значит и жену вернуть найду способ.

Глава 5. Наши в космосе.

Эдуард Алексеевич Канюк хмурился. Морщась, прихлёбывал явно не понравившийся ему «цикорий» и выслушивал доклад о том – где он оказался и насколько всё плохо.

- Эдик, ты это... - я уже собирался перейти непосредственно к его роли в нашем плане, когда он перебил.

- Если это очередная подянка от Шустера – зубы выбью. И менять будете за счёт своего сраного босса. Я банкрот и вообще у меня справка.

- В смысле? Ты о чём вообще? - внезапный демарш лётчика сбил с мысли. – Сдаётся мне, ты нас за кого-то другого принял.

Едва не скрипящий зубами от злости лётчик долго и пристально разглядывал наши обалдевшие выражения лиц, переводя взгляд с меня на турка и обратно, пока, видимо, не решил, что степень нашего обалдения достаточно велика, чтобы выглядеть натурально, после чего заговорил чуть более спокойно.

- Знаешь как я тут оказался? Зам гендиректора на корпоративе как-то пошутил в мой адрес. Некрасиво так пошутил, с пренебрежением. По первому разу я смолчал – субординация там, и вообще непонятно с чего такой наезд, решил посмотреть что дальше будет. Но оказалось, что этот контрацептив чуть на бутылку наступает и начинается говнопад. В этот раз не повезло мне. В общем, извиниться отказался. Выхватил люлей у меня, а на следующий день уволил. Да не как-нибудь, а по статье. А мне всего полтора года до пенсии оставалось. Ну, я его подкараулил и ещё раз отоварил, – Эдик кровожадно оскалился, но, отхлебнув пойла, снова поморщился, - а его охранники меня отмудохали. Так-то фигня, через неделю и следов не осталось. Только через месяц начало зрение проседать, а потом и координация. Не критично, жить можно. Но в авиацию мне теперь вообще никак. Понимаешь?

Мы с Фурканом понимающе покивали. Пилот от озлобления как-то быстро перешёл к исповеди, накручивая себя. Сейчас бы улучшить момент, тогда будет у нас капитан, а не размазня какая-то.

- Так-то хрен бы я попёрся на эту долбаную вахту. Хоть в село, на кукурузник, но за штурвалом. Да и друзей хватает, пристроили бы. А так, на что я теперь годеи? Теорию в классе преподавать и смотреть, как другие летают?

- Эдик, вот именно про это я и хотел тебе сказать, пока ты огрызаться не начал: мы тут с нашим турецким другом посоветовались и решили назначить тебя капитаном этого замечательного звездолёта типа «корвет», со всеми вытекающими и сопутствующими. Тем более что и фамилия у тебя летающая*, а вместе с отчеством, так ты прям почти Гагарин. Ну, так какой твой положительный ответ?

**Канюк – хищная птица из семейства ястребиных.*

Но Эдик почему-то не обрадовался, даже наоборот, снова разозлился.

- Я же тебе только что сказал, что даже гражданская авиация для меня закрыта. А ты про космос. Да там требования к здоровью и координации знаешь какие?

- Капитан Канюк, ты нас чем слушал, когда мы тебе про медкапсулу рассказывали? Вокруг-то оглядись, глазки-то получше работают, не? Координацию проверь, едрить твою в дышло. – я что-то тоже слегка осерчал, но ровно настолько, чтобы сбить начинающего кэпа с его унылого настроения.

Канюк замолк, неверяще уставившись на меня, затем по-новому оглядел кают-компанию. Вскочил, покрутившись волчком с закрытыми глазами, пошёл по одному ему видимой ниточке на полу, расставив руки, затем попрыгал на месте и побоксировал с тенью.

- И правда! Я как будто лет на двадцать помолодел! – пилот выглядел ошарашенным и возбуждённым, а я мимоходом подумал, что тоже чувствую себя если не юношей, то уж точно гораздо моложе, только мне при пробуждении не дали времени это осознать. А Эдик тем временем подскочил и, похлопывая нас по плечам, радостно загомонил, - Ребята, да вы же мне прямо вкус к жизни вернули. Я же на себе почти крест поставил, думал – всё, кроме как в разнорабочие и не годеи ни на что. Я ведь кроме как летать и не умею ничего. А вы мне и здоровье вернули, и профессию. Кстати, что вы там про космический корабль сочиняли?

Было похоже, что наш новоявленный капитан, ранее слушавший не то в пол уха, не то через своё уныние, как через некий искажающий смысл фильтр, теперь начал воспринимать информацию как положено.

Так, за разговорами, Канюк, хоть и предупреждённый, но всё равно едва не подпрыгнул, обнаружив красную точку перед глазами. Пока он осваивался с приобретением, мы разбудили будущего второго пилота. В силу молодости или природной лёгкости характера, тот воспринял

зигзаг судьбы с энтузиазмом и только что руку к несуществующей пилотке не вскидывал, с криком «всегда готов».

Поймал себя на мысли, что непозволительно брюзжу по-стариковски. Вот с чего бы? Предложи мне в его-то возрасте сесть за штурвал звездолёта, разве не радовался бы? Да ещё как! Я и сейчас на каждую новую неизвестную технологию смотрю, как в детстве утром первого января под ёлку.

Несмотря на положенных по штату четверых техников, один из которых - медик, двоих оставшихся решили пока не будить, так как до выхода из гипера пилотам ещё базы под разгоном осваивать, а медкапсула всего одна. На резонный вопрос: «а нафига нам вообще медик, мы вроде и так неплохо справляемся», Фуркан пояснил, что мы ничтоже сумняшеся тыкаем в «общую регенерацию» и с переломами, и с ожогами, и с любым поносом, таким образом сверх меры расходуем и медкартриджи, которые вовсе не копейки стоят, и ресурс самой капсулы, которая даже древнего поколения стоит, как небольшой звездолёт. И время. Правильное использование медкапсулы всегда экономит время. А ведь кокон работает ещё и с нейросетями, и с базами знаний, и всяческая диагностика у него есть, и ещё шайтан знает что. Вернее, медики знают, после усвоения соответствующих баз.

А вот соответствующей базы как раз и не нашлось. Искусственный интеллект поначалу не хотел пускать нас в каюты почивших членов экипажа, но мой пронырливый друг давно разведal все ходы-выходы, тайники, пароли и явки на корабле, так как досугом для раба никто не заморачивался, а коротать море свободного времени как-то было нужно. Поэтому взлом корабельного искина оказался делом минутным, а через полчаса на столе перед нами лежала кучка добра, на которую турецкий хакер только что слюни не пускал.

Помимо электронных потрохов убиенной мною троицы, в кучке значились ещё четыре нейросети: два «Техника», один «Пилот» и какой-то «Искатель», пара десятков баз, которые Фуркан разделил между троими новичками с пояснением: «потом чего получше найдёте, а пока хотя бы эти есть», несколько неведомых устройств, которые даже наш более опытный товарищ не смог опознать, и горка чипов, суммарно несущих в себе аж четверть миллиона местных денег, именуемых кредитами.

Интересно, это у местных фантазия такая странная или я что-то не понимаю? Так и представляется, как оплачиваю покупку звездолёта: «с вас четыре ипотеки и один кредит на пылесос». Как выяснилось, сумма нам досталась не сказать чтобы поражающая воображение – всего-то средняя зарплата наёмного корабельного техника за два-два с половиной года. Но и этого должно хватить на то, чтобы начать какое-нибудь немудрящее дело в новом для нас мире.

Как распорядиться экспроприированным, решили решать на базе, так как мы ещё даже из гипера не вылупились, да к базе не причалили, и это при том, что оба пилота у нас пока даже рубку в глаза не видели. А пока засунули добро в капитанский сейф и я отправился спать, так как бодрствовал уже без малого сутки.

Первый мой в космосе естественный сон оборвался неприятным искусственным голосом, призывавшим команду подготовиться к переходу из гиперпространства в обычное, до которого осталось ровно тридцать минут. Что ж, хорошо, что предупредили, я ведь до сих пор не сподобился полюбопытствовать – как этот гипер выглядит, да и вообще, кроме железа вокруг пока ничего толком не видел.

Рубка вызвала двойственные ощущения. С одной стороны всё было очень футуристично, необычно и высокотехнологично, а с другой – вполне в духе земной фантастики: два ряда кресел с мониторами и пультами управления, похожих на очень навороченные лежбища современных геймеров, множество неведомой фигни по стенам и большое панорамное окно посередине, состоящее из десятков мелких секций, соединённых толстыми металлическими перемычками.

А за окном клубилась мутная серая хмарь, будто за окном не враждебный хаос непонятного пространства, а просто дождливый осенний вечер. Разве что редкие голубоватые вспышки нарушали эту ассоциацию.

В передней паре массивных кресел с комфортом восседали наши пилоты. Казалось, что они спят или просто предаются безыдейному тюленингу, но, услышав шаги, оба поприветствовали и предложили занять одно из оставшихся четырёх мест. В процессе разговора выяснилось, что основательно отдохнувшая в коконе команда водителей звездолёта, последние часы провела с максимальной пользой, знакомясь с рабочим местом, а именно - гоняя виртуальный симулятор, милостиво предложенный неофитам местным искином.

За пару минут до перехода в рубку приплёлся Фуркан. Выглядел он сильно недоспавшим и оттого недовольным. Что-то буркнув, наверное, по-турецки, он плюхнулся на крайнее левое сиденье и растёкся по нему, не проявляя интереса к происходящему. Мы же трое вытянули шеи в сторону панорамного иллюминатора. Интересно же! Саня-студент, наш второй пилот, так вообще ёрзал в кресле от нетерпения, будто собака, услышавшая заветную команду «гулять».

В назначенный момент серость прямо по курсу стусилась до черноты, но тут же расцвятилась участвовавшими сполохами энергетических вспышек, а уже через мгновение за стеклом сияло множество звёзд. И пусть сам переход не впечатлил – слишком уж быстро и незаметно промелькнул, но открывшаяся картина звёздного неба внушала какой-то внутренний трепет. Не отфильтрованное атмосферой зрелище воспринималось иначе, нежели с поверхности планеты: здесь намного сильнее чувствовался объём громадного пространства, заставляя острее воспринимать бездну космических расстояний. Звёзды светили жёстче и было их намного больше, чем нам было привычно видеть, тем более в городах, а по яркости некоторые в разы превосходили Сириус, Альфу Центавра и другие самые яркие из видимых на Земле.

Неизвестно сколько бы ещё продлился этот завораживающий миг созерцания и единения с великим, но тут подал голос, видимо, искин корабля.

- Капитан, нас вызывает станция «Три кола». Ваши приказания?

- Э-э-э... - похоже, капитан тоже подвис при виде открывшейся картины, но, надо отдать ему должное, уже через пару секунд отдал чёткий приказ: - Соединяй!

На мониторе перед ним тут же нарисовался клюющий носом усталый мужик неопределённого возраста. При виде собеседника он слегка приободрился, но выражение лица его стало озадаченным.

- Корвет «Мезуза», вы находитесь в зоне ответственности станции «Три кола». Сообщите цель прибытия и... С кем я говорю? Где капитан Унгвэй? И вообще вся команда?

- С вами говорит капитан Канюк. Цель прибытия – заправка, отдых и, возможно, торговля. С предыдущей командой возникли критические разногласия, в следствие которых корабль теперь принадлежит нам. – Эдик говорил спокойно, уверенно, будто пилотировал отжатые у злодеев звездолёты не реже раза в неделю. – Так что насчёт прибытия на станцию? Коридор дадите?

- Д-да, конечно, принимайте координаты. – слегка растерялся диспетчер, после чего отключился.

- Эдик, моё почтение! Держался молодцом! – выдал я своё впечатление от короткого диалога.

- Да, Эдуард Алексеич, круто! Я бы так не смог. – присоединился Студент.

Фуркан только согласно кивнул, показывая большой палец. Потом помялся и заговорил:

- Не знаю, как насчёт друзей, но кореша у бывшего кэпа и его команды на «Трёх колах» были. Этот мужик с ними был знаком, значит инфа пойдёт, а это в свою очередь значит, что могут быть проблемы.

- Хреново. – капитан был предельно лаконичен.

- Заправляться нам всё равно нужно, как я понимаю, так что причаливаем, заливаем баки, а дальше по ситуации. – решил я за всех. – Кстати, а почему «Три кола»?

- Хех, вот и я этим же вопросом задался, когда впервые сюда попал. – усмехнулся турок, снова роняя голову на подголовник и закрывая глаза.

Пока мы совершали какой-то головокружительный вираж с изменением курса, он рассказал то, что смог узнать сам: изначально это была военная база какого-то из центральных миров, поэтому имела не название, а буквенно-цифровой код, который оканчивался на три единицы. Потом она устарела или вояки по каким-то другим причинам отсюда ушли, а базу списали и продали корпорации наёмников. Те тоже надолго тут не задержались. В конце концов её прибрал кто-то из торговцев Фронтира и устроил то, что есть на данный момент. При очередной смене владельца от последних трёх единиц отвалились остальные буквы и цифры, а так как далеко не у всех приезжих и постоянно проживающих на станции разумных в письменности единица изображается прямой палкой, да и письменность не у всех есть, то постепенно «Три единицы» превратились в «Три кола». Как ни странно, кол оказался более интернациональным, чем числовое обозначение.

Разглядывая приближающуюся станцию, похожую на юлу, которая ошетибилась какими-то острыми, судя по всему, причальными приспособлениями, я размышлял о том, насколько всё-таки похожи люди... хотя, тут принято говорить – разумные, в разных частях галактики. По крайней мере у нас в стране многие народные названия даются примерно такими же методами.

Причалили не просто мягко, а прямо-таки незаметно. С трудом представляю – как такую здоровенную годзиллу можно так плавно присобачить к ещё более громадной железяке. Хм, представляю-то с трудом, но уже не удивляюсь. Удивлялка пообмялась, обломала углы и затихла в одном из тёмных углов сознания.

- Всё, трап подан, шлюзование прошли, мы на месте. – отчитался капитан. – Кто пойдёт на выход?

- А нам вообще обязательно выходить? – проявил внезапную осторожность второй пилот.

- Насколько я понял, кроме наличных, ну, то есть на чипах, других денег у нас нет? – я покосился в сторону сонного старожилы, тот согласно кивнул. – Тогда и вариантов нет. Придётся выходить и оплачивать топливо. Потом надо будет попытаться продать что-то из непонятных нам устройств, или хотя бы идентифицировать их. Далее: мы ещё не решили – чем будем зарабатывать на жизнь, и вообще – никаких планов не обсуждали. Так что надо выходить и добывать информацию.

В рубке раздалась оглушительная тишина. Событие, вызвавшее аврал трое суток назад, случилось – мы прибыли к точке назначения, появилось время подумать и все принялись за это увлекательное дело. Наконец, наш самый просвещённый в местных реалиях член команды отлип от кресла.

- Ну, вообще-то можно всё это сделать не выходя из корабля. – все тут же повернулись к нему. – Для доставки есть курьеры и дроны, для остального – инфосеть станции. Можно даже к галонету подключиться, но без особой нужды не советую – очень дорого.

И снова все замолчали, на этот раз, обдумывая обновлённые данные. Через пару минут Шурик вскинул руку, собираясь что-то сказать, как от пульта раздался сигнал оповещения и синхронное поворачивание голов сработало в ту сторону.

- Вас приветствует станция «Три кола», - прочитал вслух студент, - просим ознакомиться с правилами пребывания и ценами на услуги. Та-а-ак, соблюдать... не совершать... это понятно... А, вот: цены на услуги. Местная сеть – сто пятьдесят кредитов в сутки, галонет – две тысячи кредитов в час, либо тридцать пять тысяч за сутки, либо сто семьдесят за неделю. Хренасе, дорогая тут связь.

- Ну, я же говорил! – ухмыльнулся Фуркан.

- Дальше. Аренда жилых помещений... это нам не надо. Аренда торговых площадей, складов, ремонтных доков... О! Суточная аренда стандартного причала – девятьсот девяносто кредитов.

- И тут эти огрызки круглых цен. – буркнул Эдик. – Что там дальше?

- Дальше налоги на торговлю и прочее. Предлагают оплатить первые сутки за причал и посетить увеселительные, торговые и прочие заведения станции. Всё. – резюмировал Саня и повернулся к нам.

- Тогда оплачиваем сутки причала, местной сети и заправку, потом думаем над дальнейшими действиями. Если что – будем доплачивать по мере надобности. – как-то самопроизвольно я принял на себя руководство нашей маленькой группой землян. – Да, предлагаю разбудить профессора и будущих техников, слишком нас мало. Даже прикрыть друг друга некому, если всё-таки придётся выходить.

- А профессора зачем, он же совсем старый? – едва ли не хором спросила вся троица моих собеседников.

- Затем, что у него, во-первых, интеллект за двести единиц, что может существенно помочь в мозговых штурмах, а во-вторых, надо узнать о его специальности. Не исключаю, что придётся строить наш будущий бизнес вокруг его научной дисциплины. Кроме того, знал я учёных советской закалки, многие из них до глубокой старости сохраняли живой ум и сухой порох в пороховницах.

- И ягоды в ягодицах! – хохотнул Канюк.

- И шары в шароварах. – продолжил я. После чего русскоязычная часть команды рассмеялась, а турецкая часть сварливо поинтересовалась:

- Опять ваше русское словообразование?

- Воистину богат, велик и могуч русский язык! – воздев указательный палец к потолочному светильнику, назидательно изрёк капитан, процитировав не то Тургенева, не то Паустовского.

Глава 6. Не жили богато... зато всё в хату.

Сутки промчались быстро, зато крайне продуктивно. После того, как похожий на бочкотелого скорпиона по самые жвалы вооружённый дроид заглотил чип с суточной оплатой нашего тут пребывания, мы вытащили из заморозки старичка-профессора. «Старичок» на проверку оказался дюже крепким дедуганом, которому на вид больше шестидесяти-шестидесяти пяти и не дашь. Или это капсула его так сразу омолодила? Поджарая фигура легкоатлета и добротное прожаренное солнцем обветренная шкура говорили о крайне активном образе жизни научного светила.

Усевшись в коконе, светило оценило обстановку едва ли не быстрее, чем я, очнувшись там же в своё время, потребовало одежду и мото... в смысле - подробный доклад о местонахождении, обстановке и количестве времени, прошедшем с его похищения. При сверке времени выяснилось, что похитили его в тот же день, что и меня, и в том же лесу, что и Лиду, причём, по той же схеме: он собирал в лесу, правда не грибы, а наполнители для домашних террариумов, когда на просеке рядом остановился белый микроавтобус, оттуда вышел небритый мужик в деловом костюме и пальнул из странного пистолета.

«И вот я здесь», закончил свою речь профессор, деловито ощупывая и разглядывая инопланетный комбинезон. Представился он Токмашевым Иваном Ивановичем, и достался нам не абы кто, а целый член-корреспондент академии наук, биолог, герпетолог, в ранней молодости, поддавшись романтике эпохи, ходил в геологоразведочные экспедиции, для чего прошёл курсы фельдшеров. В ответ на последнее заявление я сразу предложил Иван Ивановичу медицинскую нейросеть, благо, она была в наличии, причём аж шестого поколения, что во Фронтире считалось редкостью, и тут же, получив согласие, закрыл вакансию корабельного медика.

Резкую перемену в жизни Иван Иванович воспринял с живейшим интересом. Дома, кроме богатой коллекции пресмыкающихся, его никто не ждал – трое детей от разных браков давно разъехались по разным городам и даже странам, наплодив уже два новых поколения Токмашевых. За ползучими гадами присматривает бывшая ученица, а жён у него не осталось.

Причём, во всех трёх браках причиной развода стал треугольник. Первая просто не выдержала нежной любви профессора к чешуйчатым, вторая убежала, когда в постели оказались трое – он, она и пятиметровый сетчатый питон Акакий, приползший погреться под одеялком.

В третий раз Иваныч, будучи уже солидным учёным и опытным мужчиной, подошёл к делу более основательно, найдя себе жену без ксенофобских предрассудков к рептилоидам, к тому же на двадцать лет младше себя. Правда, у третьей жены профессора не нашлось предрассудков и против евреев, с одним из которых она укатила в Израиль, оставив бывшему мужу на память общего сына-подростка и собакодержавший продукт карманной породы, склонный к неконтролируемой диарее при виде больших змей.

В общем, Токмашев влился в команду сразу и с большим энтузиазмом.

С третьим штатным техником получилось намного сложнее. Физически крепкий и вроде неглупый мужик тридцати пяти лет, Сергей Безменов долго не мог въехать в происходящее, потом требовал прекратить пранк и заплатить за скрытую съёмку, а когда убедился, что никто с ним не шутит, впал в уныние. На расспросы ответил, что жена теперь точно загуляет и на детей забьёт окончательно, а детей он любит и всё делает только ради них. Пришлось убеждать, что в нашей общей ситуации уныние сделает только хуже, зато здоровый энтузиазм и качественная работа верхними полушариями может принести куда большие дивиденды, чем рыбный промысел, на который он собрался за длинным рублём.

- Да ты даже за свой комбез на Земле денег получишь больше, чем за всю жизнь сможешь заработать! – окончательно добил его Шурик. – А тут, на корабле, всяких технологий столько, что можно всю Америку с потрохами купить и Европу получить на сдачу.

Я бы мог возразить Сашке, рассказав – что мы получим вместо денег, если открыто сунемся продавать инопланетные технологии акулам капитализма, но в целях умиротворения страдающего члена экипажа, предпочёл согласно покивать.

Серёга внял и начал осматриваться с большим интересом. А потом был мозговой штурм. Идеи выдвигались разные, но более-менее ориентировался в реалиях только один из нас, поэтому обсуждение затянулось. Если бы пищевой синтезатор умел генерировать табак, то к моменту принятия решения в кают-компании можно было бы вешать не только топор, но и мой трофейный бомбошвыр. А пока там висел только накал страстей. Кстати, оба пилота и третий техник очень страдали от отсутствия курева, но скорее психологически, так как от физической зависимости их избавила медкапсула. Тем не менее, Эдик догрызал уже третью органическую ложку, сублимируя этим заменителем раковые палочки.

В итоге остановились на трёх направлениях, в порядке убывания приоритета: добыча полезных ископаемых, мародёрка на полях космических сражений и сопровождение грузов. Из минусов – первые два требовали крупных вложений, и все три несли приличные риски. С безопасными видами бизнеса тут, за пределами центральных миров, вообще крайне напряжённо, эти хотя бы не в крайней степени. Из плюсов – если не получится с добычей, то это же оборудование с минимальными дополнительными покупками подойдёт и для мародёрки, а для сопровождения и того не требуется, правда, и выхлопа с него минимум.

Затем я своей начальственной волей нарезал задачи: пилотам – полная инвентаризация, свежепробуждённым – установка нейросетей, поиск, покупка и загрузка необходимых баз в пределах выделенной суммы, Фуркану – помогать, подсказывать, контролировать. Сам же полез в местную сеть за информацией.

О, боги, как же я люблю нейросети! Уже через пять минут я имел список необходимого оборудования и модификаций корабля, благо, это изначально был грузовоз, от которого остался просто неприлично большой для настоящего корвета трюм, а через пятнадцать у меня были первые приоритетные товары из большого списка предложений на электронном рынке станции. И всё это – прямо в голове!

Проще всего оказалось с грузовыми контейнерами: три минуты и комплект самых подходящих по соотношению цены и качества забронирован, осталось забрать у нужного причала. Со сканерами тоже проблем не возникло – пара универсальных по приемлемой цене так же упала в корзину. А вот с добывающими дроидами оказалось намного сложнее. Чаще всего они продавались поштучно, самых разнообразных видов, форм и модификаций. Но либо для них не находилось расходников и запчастей, либо кусалась цена. В любом случае получался винегрет, где ни о какой унификации и взаимозаменяемости и речи не было.

Уже отчаявшись было найти что-то подходящее, я наткнулся на предложение, от которого было трудно отказаться: аж двадцать девять одинаковых дроидов от одного производителя, с тройным комплектом расходников и запчастей. И всё это великолепие за какие-то смешные сорок пять тысяч кредитов. Правда, был и минус: великолепие находилось в состоянии почти металлолома. Ну, то есть худо-бедно работали все двадцать девять машинок, но исключительно, как инвалидная команда.

Сильно не задумываясь, забронировал товар и вышел в реал, дабы узнать об успехах инвентаризации. И не зря. Имея полтора собственных ремонтных дроида, мы бы до китайской пасхи провозились с ремонтом. Заодно наш турецкий знаток напомнил, что без нужной базы я даже китайскую пасху скорее дождусь, чем дроидов починю.

Так что пришлось снова, приняв дебильное выражение морды лица, погружаться в цифровой рынок, разыскивая пару нужных баз – себе и Сергею, и доукомплектовывать железную гвардию ремонтного цеха.

Вынырнув из виртуала, обнаружил, что все, кроме лежащего в медкапсуле профессора, сидят вокруг и смотрят на меня, как суслики на удава.

- Чё? – осведомился я немного хрипловато.

- Нат... э-э-э, Глеб, мы там всё уро... в смысле – посчитали. – выговорил Эдик, тщательно напрягая лицевые мускулы с целью придания своему таблоиду формы кирпича.

- Вообще всё посчитали, Глеб. – вторил ему Санчо, после чего оба заржали аки кони гусарские.

Так, понятно, эти уже спелись. Что, в общем-то неплохо. Серж тоже улыбается, что тоже хорошо. Фуркан, как обычно, в роли мудрой совы, которая уже без подсказок догадывается, что это снова загадочный русский юмор. Ну и я тоже поулыбался. Чего бы не поулыбаться в хорошей компании.

Отсмеявшись, капитан всё-таки собрался с силами и начал доклад.

- В общем так: у нас есть один десантный бот в состоянии средней паршивости, то есть вам бы, техникам, поработать с ним как следует, чтобы сюрпризов неприятных не случилось. Бот старый, но зато крепкий и очень вместительный, стадо слонов утрамбовать можно.

Восемь двухместных разноразных челноков, видно, что с миру по нитке набирали, но все оборудованы манипуляторами, гравизахватами и прочими хваталками. Рабочих из них ровно половина, а с ремонтпригодностью остальных – сами разбирайтесь.

Три полностью рабочих боевых дроида с лазерным и плазменным вооружением. Внушительные такие каракатицы, мне понравились. Полно пехотной снаряги и вооружения, от монструозных рельсотронов до дамских пукалок, правда, сплошное старьё и не факт, что всё в рабочем состоянии. Нам тут просто негде было проверять.

В одном из отсеков трюма, похоже, тупо свалка. Забит горами хлама буквально под потолок. Мы туда даже заходить побоялись – завалит ещё, и с концами.

Ну и один отсек, ты в курсе. Сам нас оттуда вытаскивал. Пятьдесят криогенных капсул, из них пять пустых. У меня всё.

Канюк договорил и посмотрел на Фуркана. Тот кивнул и подхватил эстафету.

- Про ремонтных дроидов ты уже знаешь. Ни запчастей, ни расходки к ним нет вообще. Я полгода кэпу... Эдуард, не смотри на меня так странно – бывшему кэпу говорил, что и последнему скоро хана, а он... В общем, надо покупать.

На бот и челноки всё необходимое есть, но не в полной мере. На один-два вылета должно хватить, а дальше, надеюсь, уже заработаем.

В трюме много грузовых контейнеров, но состояние в среднем плохое и никакой однотипности. Можно оставить на запчасти, продать или выбросить. Много на них не заработаешь, а на рудный промысел с ними лететь – дольше с сортировкой провозимся.

Пищевых картриджей у нас примерно на месяц для шести человек. Но если задержимся или станем пополнять команду, то надо ещё. А вот медицинский остался всего один. Если бы ты инвентаризацию не объявил, то мы рисковали остаться без медицины посреди космоса. Про остальное медицинское хозяйство у профессора спросишь, когда из капсулы вылезет.

Имеем шесть пустотных скафандров, точнее пять, один – полный хлам и один – ремонтпригоден, ну и один десантный бронескаф ты знаешь чей. Мы его тогда не отмыли, так что он пованивает, в остальном без нареканий. Обычных комбинезонов, в которых мы все сейчас ходим, не меньше сотни.

Кстати, Глеб, шахтёрских баз у нас нет ни одной, а нужны и по разработке, и по дроидам, и по минералогии, может и ещё что-то, но я не нашёл в местной сети. – турок договорил и качнул в мою сторону открытой ладонью, вроде как передавая эстафету.

- Молоды, ребята, хорошо поработали! – похвалил я команду. – Я тоже не балду пинал, поэтому у нас уже почти в кармане основная масса того, что обсуждали ранее. Осталось отовариться по результатам вашей проверки и мы, надеюсь, готовы к первой экспедиции.

В этот момент капитан востропился и сообщил, что начали прибывать курьеры с мелкими покупками, а из медотсека вернулся выпавшийся Иван Иванович, после чего началась всеобщая суета.

До конца оплаченных суток мы уложились едва-едва, после чего отчалили, расчехлив бот, и начали с его помощью забирать забронированные крупногабаритные товары из разбросанных по периметру станции складов и ангаров. Загрузку контейнеров оставили на десерт, как самое габаритное, за которым пришлось гнать сам корабль.

По огромному ангару шныряли многочисленные грузовые дроиды от многоногой мелочи до колёсных гигантов. А нас встречал человек. В пустотном скафандре без шлема, с планшетом в руках, черноволосый и с раскосыми глазами крепыш, фигурой напоминающий борца.

- О, смотри, монгол! – по-русски воскликнул Серёга, пихнув меня локтем в бок.

- Сам ты монгол, я алтаец. – на чистейшем русском ответил встречающий.

- С Горного? – ляпнул я от удивления первое, что пришло в голову.

- С Турочака. – поправил меня алтаец, улыбаясь.

- А мы с Барнаула. – так же растягиваюсь в лыбе.

- Земе-еля! – раненым вопреку взревел мужик на весь ангар, аж с верхних стеллажей посыпалось что-то мелкое и вроде даже матерящееся, и полез обниматься.

- Задавишь, медведь... – просипел покрасневший Серж, безуспешно пытающийся извернуться так, чтобы вдохнуть.

- Угадал, брат, – счастливо проревел борец, теперь уже почти без сомнений, – Абагай, так меня зовут, по-русски как раз – медведь. Ну или Михаил, Миша, чтоб вам привычнее. Кергилов. Вы как здесь? Давно? Как на Землю вернуться знаете?

- Я Глеб, Это Сергей, – не без опасений протянул ему руку для закрепления знакомства, сдавленные в тисках плечи ещё покалывало, – ещё недели не прошло, как из криокапсул

вылезли. Про путь домой пока не в курсе, но мы работаем в этом направлении. Ты-то сам давно тут?

Михаил открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент сразу с двух сторон загрохотало, приближаясь, целое стадо чего-то, судя по звукам, крупного копытного. Через пару секунд на площадку перед шлюзом вывалилась группа, ну, скажем, разумных. На восьмерых условно обычных, не считая экстравагантной внешности, людей, приходился один выделяющийся ничем, кроме серой кожи, один эльф, вернее... точно – аграф, с характерными ушами и синеватой кожей, и один кошко-человек, по-местному то ли мзин, то ли мрзин. Они настороженно уставились на нас, а мы, как городские дети, впервые увидевшие в деревне самоходный генератор молока – на них.

Группа была вооружена до корней волос и кончиков ушей, бронирована и сопровождалась пятёркой боевых дроидов. Увидев, что никто никого не убивает, а вполне наоборот – мирно беседует, банда опустила оружие и аграф поинтересовался:

- Абагай, тебе угрожает опасность?

- Ребята, какая опасность? – Миша лучился счастьем, как новенький ядерный реактор, при этом эмоционально размахивал руками, грозя планшету безвременной кончиной. – У меня тут земляки нашлись, не просто с моей планеты, а почти соседи! Но спасибо, что прибежали, извините, сам не ожидал, что так заору.

Когда маленькая армия неторопливо угромыхла восвояси, Михаил предложил культурно посидеть у него в офисе при ангаре, на что мы ответили, что уж лучше вы к нам, дескать, команда полностью из землян, причём пятеро из шестерых – барнаульские. Он согласился, но в офис на минуту всё равно забежал.

За столом в кают-компании уместились с трудом, пришлось отмагничивать и перетаскивать диван, на который и поместили неожиданного гостя, а заодно капитана. Эдик, увидев алтайца, насторожился, а затем спросил – не он ли победил на краевых соревнованиях по греко-римской борьбе среди юниоров лет двадцать назад. Оказалось, что мир действительно очень тесен и что именно Миша тогда отнял золото у Канюка-младшего.

«Вот надо было пролететь полгалактики, чтобы встретить тут именно тебя», ворчливо пошутил Эдуард.

А потом было долгое застолье, на котором натуральным оказалось только принесённое Абагаем пойло – не то сладкая настойка на ёж знает чём, не то очень крепкий ликёр. Даже непьющие мы с профессором рискнули попробовать чисто из любопытства. Ну и гостя уважить заодно. Человек двенадцать лет на чужбине, истосковался по всему, что о родине напоминает, в том числе – по таким застольям. Местные, говорит, не умеют так душевно заседать.

Рассказ Абагай не поражаля воображение чудесами иных планет, но слушать всё равно было интересно, ибо хватало приключений. Будучи охотником и спортсменом, он не очень-то стремился после школы садиться за парту ещё на несколько лет, поэтому пошёл в армию. Отслужив срочку, остался на контракт, а там и горячие точки случились в ассортименте. В одной из таких точек обнаглевшие пираты зависли на своём боте прямо над линией боестолкновения, и пока обе противоборствующие стороны таранились на НЛО, облучили квадрат из массового парализатора.

Очнулся на одной из арварских планет, на невольничьем рынке. Несмотря на средний индекс интеллекта, избежал рабской нейросети, как потенциальный гладиатор, в качестве которого его потом и продали на одну дику станцию в Пограничье. Вольный охотник не смог терпеть унижительное положение раба и всего через пару месяцев организовал побег с резнёй, ну или резню с побегом, сговорившись с парой десятков других гладиаторов.

То ли план оказался на редкость удачным, то ли хозяева станции излишне расслабились, но побег удался на все сто. Беглецы умудрились захватить оружие, немало других материальных ценностей и два корабля, перебив больше сотни любителей кровавых зрелищ. Половина

сбежавших рассеялась по станциям и планетам, а оставшиеся скучковались вокруг удачливого алтайца.

Два корабля и оружие – это весьма приличный бонус для многих начинаний, вот и бывшие гладиаторы решили попробовать себя в качестве наёмников. Сопровождение грузов и охота на пиратов оказались довольно выгодным бизнесом – ребята прибарахлились, усилились, расширили команду и уже начали было строить более грандиозные планы, но очередная пиратская банда оказалась им не по зубам.

Лишившись одного корабля и части экипажа, наёмники растеряли прежний азарт, переосмыслив свою будущность. Застряв надолго на станции «Три кола» с ремонтом оставшегося транспорта, со временем так тут и осели, занявшись ремонтом, мелкосерийным производством простеньких товаров, вроде тех же контейнеров, и торговлей.

За это время встретил только одного землянина, судя по всему – немца, но тот даже разговаривать не стал – только рожу покривил, как аграф при виде инородца, и гордо удалился. Миша сначала недоумевал – неужели тому не интересно пообщаться с другим землянином на чужбине? А потом сопоставил возраст, с учётом технологий Содружества, и национальность, предположив, что тот просто выживший идейный гитлеровец, к которому он сунулся со своей «расово неполноценной рожей».

Кстати, ушастый боец, прибежавший на выручку командиру в ангаре, не аграф, как я было подумал, а сполот – тоже представитель одной из старших рас содружества, как аграфы и мзины, только сполоты гораздо более закрыты от остальных. Как один из них умудрился попасть в рабство – загадка.

Компания долго обсуждала историю Михаила, задавая кучу вопросов. Тот охотно отвечал, но было видно, что ему всё сильнее хочется услышать о родине – что случилось в его отсутствие на Алтае, в России, на Земле. Конечно, мы наперебой кинулись утешать его информационный голод. Абагай кивал, качал головой, бурно и разнообразно матерился на трёх языках, в общем, приобщался к суровым будням далёкого отечества. Выложив всё, что смогли припомнить интересного и важного, мы перешли, наконец, к вопросам насущным.

Во-первых, оказалось, что контейнеры нам давно отгрузили. Во-вторых, в нагрузку к контейнерам земляк подарил нам какой-то уникальный сканер пространства, который остался у него ещё с погибшего корабля. А раз мы решили заняться таким опасным делом, как добыча ресурсов в диком космосе, то такой девайс нам жизненно необходим. И в-третьих, Миша скинул координаты двух вкусных систем, на которых ещё муха не сидела, разве что мимо пролетала. Интересных планет там не оказалось, зато россыпи астероидных полей расцвели на сканерах пролетающей мухи богатыми залежами разнообразных металлов.

В этот момент я почувствовал себя деревянным болваном, навряд ли заготовки для бура-тины: про самое главное-то я не подумал – где мы шахтёрить собирались? Судя по налившимся малиной ушам, бывший геолог Иваныч был со мной солидарен.

Про предыдущую команду в целом и капитана Увэя в частности, Миша слышал впервые. По его мнению, если за теми не числилось больших долгов, то неприятностей можно ожидать только от местных гопников, которые могут попытаться взять на понт, типа они – кореша убивенных и требуют пояснить за беспредел. Но в этом случае он предлагал смело адресовать лихоимцев к нему, ибо команду бывших гладиаторов и наёмников на базе хорошо знали и даже побаивались.

Напоследок обсудили возвращение на Землю. Михаил использовал любую возможность узнать координаты родной планеты, но знающие разумные объяснили, что у пиратов и работорговцев подобные «грядки» в диком космосе не редкость, но кто же будет выдавать всем желающим рыбное место? Вот и оставалось ему только копить ресурсы и ждать удобного случая.

На нашу компанию невольный эмигрант возлагал большие надежды, поэтому просил вообще не рисковать без крайней необходимости и возвращаться к нему при любом исходе нашей экспедиции – он обещал помочь всем, чем располагает сам, а то и вообще объединить ресурсы и искать путь домой вместе.

Мы клятвенно заверили, что никуда от него не денемся, согласились, что вместе держаться однозначно легче и надёжнее, и на этом распрощались.

Глава 7. «Пилите, Шура, пилите, она золотая».

Скажи мне кто пару недель назад, что я буду изнывать от безделья в космосе, даже не улыбнулся бы, настолько дико это звучит. А вот поди ж ты – свершилось. Попеняв себе в очередной раз за непредусмотрительность – ну что мне мешало накачать себе на нейросеть или в корабельный сервер хотя бы книжек – научных, развлекательных, да хоть пропаганды религиозной? Кроссвордов там, местных анекдотов, рецептов приготовления некузявой бутявки с планеты Плюк?

Первые дни полёта были увлекательны – все дружно изучали полученные базы знаний, пилоты копались в памяти корабельного искина, новоизбранный медик потрошил медблок, а трио техников самозабвенно собирало конструктор под названием «дроиды». Из двадцати девяти шахтёрских инвалидов мы с Сержем собрали двадцать пять полноценных работяг, а Фуркан, как более опытный, единолично поставил в строй десяток разнокалиберных ремонтников. Ещё день посвятили разбору захламлённого отсека. Затем день отдыхали. А потом началось безделье.

Когда даже от клейстерно-опилочной каши начало заново отрастать брюхо, а общее моральное разложение команды незаметно подползло к зарождающимся конфликтам, положение спас многоопытный профессор Токмашев. Во времена его молодости были очень популярны шахматы, а среди тружеников умственного труда встречались и уникамы, способные играть в уме, называя друг другу лишь передвигаемые фигуры и номера клеток на виртуальной доске, откуда и куда фигура ходит.

Однако наши мозги были улучшены технологически. Быстро объяснив своим нейросетям – как это работает, взбодрившаяся команда азартно включилась в игру. Поначалу безоговорочно лидировал старейшина, но вскоре мы с капитаном, как заставшие закат советской шахматной волны, подтянулись и поколебали трон патриарха.

Наследующий день всех удивил турецкий гроссмейстер. Ещё вчера не хватавший звёзд с неба, играя на равных только с Шуриком и Серёгой, он вдруг наголову разгромил всех и продолжил победоносный марш по нашей коллективной самооценке. Загадочно ухмыляясь, Фуркан раз за разом ставил мат, вслух сожалея, что играем не на деньги.

Не чувствуя за собой особых талантов, мы с Эдиком сосредоточились на дуэлях между собой, а вот Иваныч закусил удила. Проиграв с десяток партий, он сильно задумался, а потом неожиданно выиграл раз, другой, третий...

- Да как так-то? – скрипел зубами техник, почувствовавший было себя чемпионом.

- Что, не прошёл тест Тьюринга? – невинно осведомился ехидный старикашка.

- Чего? Какого тьюнинга?

- Тьюринга. Алана. Был такой британский математик на заре кибернетики и электроники,

- Иваныч на глазах трансформировался из игромана в профессора, - заранее озабочился проблемой наличия разума у машины. То, что ты сегодня с места в карьер выигрывать начал, хотя ещё вечером Саньку раз через два проигрывал – само по себе подозрительно. А потом смотрю – шаблонно играешь. Очень логично, мощно, но без выдумки. Думаю: а не твоя ли нейросетка за тебя отдувается? Ну ты в первую же ловушку и ухнул с ушами!

Токмашев победно разулыбался, а посрамлённый мошенник окончательно сдулся. Чтобы не нагнетать ненужного негатива, разбавили шахматы карточными играми, кто что вспомнил. При участии фактора случайности оторвалась уже молодёжь, отыгрываясь за все «унижения».

Так с шутками и взаимным подначиванием дошкандыбали до искомой системы. Зависнув над плоскостью эклиптики, новоиспечённые старатели по-хозяйски осматривали потенциальное «эльдorado», а мне в этот момент вдруг подумалось, что как-то мы слишком беспечно тут выставились на всеобщее обозрение.

Канюк по моей просьбе просканировал подаренным сканером окрестности и те неожиданно таки дали несколько засветок. Все напряглись. После распознавания сигнатур выяснилось, что это всего лишь чьи-то маяки, причём разного производства и давности установки, что в общем-то обыденно для любой разведанной системы. Все расслабились, но прежней беспечности уже не было, ибо нечего расслаблять булки: кругом дикий космос, в котором может шнырять кто угодно – от банальных конкурентов до экзотических архов. Для нас экзотических, естественно, как для новичков в космосе.

Не зная, как, что и куда передают эти маяки, я предложил обходить их по возможности максимально далеко. Однако, капитан, видимо, изучив соответствующие базы, заверил, что мы уже везде засветились, так как системы маскировки у нас нет вообще никакой, кроме стандартной РЭБ (система радиоэлектронной борьбы), так что трепыхаться поздно, но и маяки тут внутрисистемные, гиперсвязи не имеющие. Поэтому, пока хозяева не прилетят и показания не снимут, как со счётчика электроэнергии, можем тут хозяйничать.

«Ну, раз можем, то нефиг щёлкать клювом», решила наша дружная компания и мы двинули к цели. Барражируя над астероидным полем, просканировали на всю невеликую мощь купленных сканеров, но даже так ладошки потели от рисуемых на центральном мониторе перспектив.

Металлов было много. Очень много. Может быть для какой-нибудь добывающей корпорации это мелочь, но для нашей маленькой команды тут был клондайк. Цветные, редкоземельные, радиоактивные, металлы платиновой группы, благородные и, конечно, железо. Железом фонило всё, что неудивительно – самый распространённый металл во вселенной всё-таки. Много из того, что предстояло добывать, было относительно равномерно размазано по всему участку и мне пока было трудно представить – как это всё перелопатить. Выделялись два участка поля, богатых ураном, а одна группа астероидов светилась прямо-таки самородным золотом.

Конечно, нас просветили, что золото в Содружестве не так ценно, как на Земле и других отсталых мирах, но мы же собираемся возвращаться домой! Так что тонну-другую захватить надо обязательно, так сказать, детишкам на молочишко. О, боги, как же приятно делить шкуру неубитого медведя! От мысли о парочке грузовых контейнеров в трюме, заполненных самородками, потеплело внутри. Да и «медведь» – вот он, допрыгнуть можно.

Отправив Шурика с Сергеем на гружёном боте распределять добывающих дроидов по полянам, мы приготовились приятно провести время в наблюдении за тем, как наши инвестиции сами себя окупают. Ага, шас. Первый сигнал о замене наконечника бура прилетел уже через двадцать минут. Следующий час прошёл в томительном ожидании, а потом началось: полный контейнер увези, пустой привези, наконечник поменяй, сервопривод на место присобач, сбитого пролетающим камнем дроида на место верни...

К концу первой двенадцатичасовой смены мы оценили всю соль шахтёрского хлеба. Относительно бодрыми оставались только капитан, не покидавший своего поста и профессор, пока не участвовавший в работе в силу возраста и отсутствия нужных знаний, хотя, через пару дней подключился и он, благо, высшей математики в такой работе не было. Иваныч даже предлагал нам в капсуле отлежаться, но мы дружно решили, что это перебор, собственно физической нагрузки было не так много, просто усталось от постоянных мотаний взад-вперёд.

Дроиды в отличие от людей могли работать безостановочно, как конвейер, а вот нам, мясным, требовалось придавить подушку часиков по восемь-девять. Ну, хоть есть успевали в

перерывах между «вызовами». Поэтому, собрав движимое имущество обратно в бот, сыграли отбой.

А на следующий день мы потеряли первого дроида. Где-то прохудилась антирадиационная защита и мозги трудолюбивого робота спеклись не то от космической радиации, не то от того, что он уран добывал. В общем, отложили бедолагу на запчасти, если новые мозги найти не получится.

К концу второй недели все попривыкли к такому режиму работы, перестав сильно уставать, зато начали уставать от однообразия. Полсуток «в поле», полсуток на корабле, и всё время в замкнутом пространстве. Немного спасали редкие выходы в скафандре «за борт», но психологическая усталость всё равно накапливалась. А к началу четвёртой подошли к концу расходники для дроидов и запас пустых контейнеров.

В обратный путь двинулись с чувством глубокого удовлетворения, но при этом в состоянии лёгкого отупения. В шахматы никто не играл, разве что в картишки с Эдиком десяток раз перекинулись. Молодёжь без энтузиазма пересматривала мордобой пополам с порнухой, вяло комментируя происходящее, и только наш престарелый аксакал был бодр и весел, обнаружив где-то в недрах медотсека заначку предыдущего доктора в виде планшета, на котором имелась неплохая библиотека арварских книг по медицине. А доктор-то, похоже, был фанатом своего дела, хоть и гнида пиратская.

Порадовавшись за Токмашева, я в очередной раз сходил в нашу «тайную комнату» - трюмовый отсек, вычищенный от хлама и теперь заполненный аккуратно принайтованными к переборкам контейнерами с золотом. Шестьдесят четыре контейнера, в каждом около тонны. Из них двадцать пять – с самородным золотом и тридцать девять с породой, имеющей высокое содержание. Лепота!

Валяясь на койке в собственной каюте, подумал, что неплохо бы конкретизировать дальнейшие планы. С момента пробуждения прошло уже около месяца, а качественно порефлексировать так и не удалось – то суета, то в голову не приходило.

Ладно, разложим по полочкам. В трюме, по нашим подсчётам, руды не менее, чем на полмиллиона кредитов, а если смотреть оптимистичнее, то и на миллион. К сожалению, более точно наши сканеры концентрацию не показывают. Если расширяться, то скромный потрёпанный грузовоз нам обойдётся минимум в сто пятьдесят тысяч, плюс ремонт и доукомплектование под наши задачи, итого – от двухсот.

Штат дроидов со всей расходкой придётся увеличивать раз в несколько, иначе мы будем грузовоз по полгода заполнять, это ещё не меньше трёхсот. Количество контейнеров в те же разы придётся увеличить.

Команду пополнять придётся тоже. Кто поведёт грузовоз? И пару ботов к нему надо, челноков комплект. Сменщиков на добычу. А это всё новые нейросети и базы. Самое интересное, что корабли тут стоят иной раз намного дешевле некоторых девайсов для улучшения мозга. Вот уже под миллион сумма подкрадывается, если не больше. Потянем? Ну, смотря как расторгуемся. Да и развлекухи надо будет запасти самой разнообразной – от книг и фильмов до какой-нибудь экзотики, о которой я сейчас даже не подозреваю.

Это всё – ближайшие планы. А что у нас по дальнейшим? Как жену искать будем? Да и других земляков там немало. Пока поиск Лиды совпадает с поиском координат Земли, никто не будет против. А дальше? Корабли, запас золота, дорога домой известна, не предложат ли мне товарищи дальше разбираться со своими проблемами самостоятельно? Ну, допустим, все согласятся. Мужики вроде все нормальные, все через похищение и криокапсулы пиратов прошли, не должны послать. И как будем действовать?

Начнём с того, что добровольно, как сказал Миша, никто нам координаты не отдаст. А это значит: во-первых, нужны быстрые и мощные корабли, не меньше трёх, как подсказывает опыт того же Михаила. Во-вторых, мощная абордажная команда, так как разносить лоханки

лихоимцев на мелкий винегрет контрпродуктивно – нам от них информация нужна, а не факт их уничтожения. Ну и добришко, если стоящее попадётся. А чё, грабь награбленное – золотые слова. Ну и в-третьих – информация. Не шнырять же по всему космосу в поисках злодеев? Гораздо логичнее и рациональнее караулить на торных тропах, и уже там отлавливать и вдумчиво, без суеты обезжиривать.

Итак, корабли – это понятно: деньги и ещё раз деньги. Абордажников можно обучить, из тех же замороженных соотечественников, в крайнем случае нанять. Да и с Кергиловым поговорить стоит – его команда как раз этим и промышляла. В общем, тоже решаемо. А вот с третьим пунктом будет сложнее.

Если пираты, грабящие караваны, собственными набегами обозначают свои охотничьи угодья, то работоторговцы предпочитают окольные пути, чтобы не попадаться патрулям государств Содружества. Тут уже нужен профессиональный подход к сбору информации, банальным частным детективом вряд ли отделаешься. Вот собственную контрразведку бы организовать... ну, это уже мечты. В общем, тут надо коллективно подумать.

- Товарищи, у меня к вам очень важный лично для меня вопрос, - начал я своё выступление, собрав всех за столом на следующий день, - вы все в курсе, как и почему я оказался здесь...

- Мы всё понимаем, Глеб, - недослушав мой спич выступил профессор, - ты для нас уже вон сколько всего сделал – из плена освободил, снабдил технологиями инопланетными, новые профессии дал, заработок организовал. Так что за всех не скажу, только за себя: хоть из меня воин тот ещё, но лично я тебе помогу, чем смогу.

- Да, Глеб, русские своих не бросают! – присоединился Эдик. - И про остальных наших забывать не стоит. Мы ж только одной из партий были.

- А я чё-то не въехал. Вы про что вообще? – подал голос Саня-студент, на что ему тут же всё расшифровали старшие товарищи и прозревший Шурик не стал выбиваться из коллектива: - Дык, вы же в курсе, я за любой кипеж, кроме голодовки! Куда вы, туда и я.

Серёга лишь молча кивнул, соглашаясь с остальными. А вот турок замялся, задумался. И только под вопросительными взглядами остальной команды тоже кивнул, пробормотав что-то вроде «ну, раз уж вместе начали, то можно и дальше».

- Фуркан, я же не заставляю никого, и всё понимаю – это моё личное дело. Когда получим координаты Земли, мы можем поделить всё добро, кроме корабля, и дальше ты волен делать что хочешь. Твоей доли золота хватит, чтобы дома сразу миллиардером стать, а какой-нибудь курьерский бот с гипердвигателем – не такая большая проблема, если сам не накопишь к тому времени, то поможем.

- Да ладно, чего мусолить, согласился уже. – буркнул техник, явно недовольный то ли своим решением, то ли своим конформизмом, а может просто не выпался.

- Ну вот и ладушки. Спасибо, мужики, без вас я реально не представляю как это дело вывозить. – хоть и не умею толком выражать свои чувства, но поблагодарил я товарищей от всей души и тут же, чтобы скрыть неловкость, поспешил перейти к делу, выкладывая всё, что надумал накануне.

- Кому как, а мне нравится, особенно «грабь награбленное»! – оскалился во все сорок два зуба капитан, а турок согласно закивал с уже более заинтересованным видом.

- Я так мыслю, что все три пункта вилами по воде писаны. – высказал своё авторитетное мнение Иван Иванович, - Во-первых, как я понял, тут и территория Содружества не всегда и не везде полностью безопасна, а мы промышляем за пределами даже Фронттира, где хотя бы периодически военные патрули проходят. Так что наш удачный первый опыт – скорее дело случая, не стоит на него делать ставку. Во-вторых, каждое боестолкновение – это лотерея, особенно пока у нас нет многократного численного и технического превосходства над пиратами. И это я уже не говорю про абордаж! А про третье, Глеб, ты и сам сказал – без профессионалов в поиске такой информации не обойтись. Так что я предлагаю оставить продолжение этого разговора

до тех пор, пока не продадим руду и не пригласим к обсуждению Михаила. Его опыт и связи наверняка внесут существенные коррективы в наше планирование.

- Ты смотри, как грамотно всё по фактам-то раскидал, - уважительно поджал нижнюю губу Эдуард, - сразу видно – человек наук!

Так под дружный смех, представляя облачённого в красно-синее трико профессора в затянутом паутиной медотсеке, за исключением традиционно не въезжающего в русский юмор турка, мы и закрыли тему.

- Короче, мужики, насчёт сбыта я договорился, как только маякну, подойдёт мой знакомец – оширский торгаш, - докладывал Абагай, прихлёбывая местный эрзац кофе, - просканирует товар на процентное содержание металлов и даст хорошую цену. Верить ему можно – мы давно дружим и в подставах он пока не замечен. Азиатов, ну то есть оширцев, тут мало, а он, как и я, бывший военный и спортсмен, только не по борьбе, а по какой-то своей рукопашке, на том и сошлись. Контейнеры я вам сразу отгружу, как только трюм освободите. Грузовоз подходящий есть и цена прям то что надо – всего сто двадцать косарей, но есть проблема: тихоход, плюс жилой модуль разграблен. Ну, то есть каюты, койки, даже пищевой синтезатор на поколение моложе вашего, но в остальном – голяк. Сами там глянете чё как, я-то не техник.

Едва ответив на стандартный запрос диспетчера станции, мы тут же связались с Михаилом, который безапелляционно заявил, что сначала к нему, а потом всё остальное. И чтобы не терять время, он предложил помощь в сбыте и некоторых приобретениях, пока мы преодолеваем оставшиеся до станции миллионы километров. Обозначив наши хотелки и пообещав интересный разговор, мы расслабились в ожидании прибытия.

Причалив к знакомому ангару, уже через минуту приветствовали алтайского батыра, который ещё через минуту докладывал нам о проделанной работе. Оценив грузовик, скинутый нам через нейросеть, пришли к выводу, что если комплектующие найдутся тут же и по приемлемым ценам, то приобретение стоящее.

Перейдя к отложенному в середине обратного пути разговору, мы всерьёз загрузили Мишу. Сначала он долго думал сидя за столом и цедя «кофе», потом ходил по кают-компании, разминая плечи и хрустя пальцами, после чего, наконец, усевшись обратно, заговорил.

- Насчёт кораблей всё просто: будут деньги – будут корабли, а пока можем только на пальцах прикинуть сколько чего нужно. Насчёт абордажа сложнее, но тоже решаемо. Мои наверняка согласятся – у нас и опыт есть, и большой зуб на пиратскую звездобратию, но нас мало, поэтому либо придётся из левых набирать, либо шерстите своих в заморозке на предмет профессиональных военных. На одну штурмовую команду у меня и своих запасов нейросетей и баз хватит. Но с боевыми имплантами и бронескафами придётся решать отдельно - это всё довольно дорогое железо и на каждом шагу не продаётся, особенно если не совсем рухлядь.

- Миш, по ценам на это железо хоть примерно можешь сориентировать? – прервал его я, подумав, что если отложу на потом, то могу банально забыть, а ведь это, судя по его словам – существенная статья расходов.

- Ну, только очень примерно. Чтобы иметь преимущество перед средним пиратом или работорговцем по всем статьям – защите, огневой мощи, силе и скорости реакции, нужно превосходство хотя бы на одно поколение, а это – начиная, скажем... от ста косарей на одного бойца.

«Нехило!», «Фигасе...», «Шо ж так дорого?», «Там целый корабль за сто двадцать, а тут на одного...» - послышались возгласы со всех сторон, кто-то просто присвистнул.

- Мужики, это я про снарягу не выше пятого поколения говорю, - ухмыльнулся борец, - а если брать от восьмого и выше, то там ценники минимум с шестью-семью нулями будут. Но и боец, в которого столько вложено, как правило, может в одиночку всю команду пиратов раскатыть, включая абордажников, и даже не вспотеет. Ладно, с этим прояснили. Теперь по последнему вопросу. Свою контрразведку мы сейчас однозначно не потянем сразу по нескольким

причинам: нам тупо не хватит ни денег, ни связей, ни времени. А вот воспользоваться услугами действующих контрразведчиков – дорого, но более реально. Один такой как раз моего вызова дожидается, чтобы руду вашу понюхать.

- Это в смысле оширец твой – контрразведчик? – спросил Эдик и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил, - он что ли по пятницам контрразведчик, а по вторникам торгаш? Или как это тут работает?

- Да так же, как и везде: он из бывших, насколько люди его профессии вообще бывают бывшими. Но это фигня, главное, что у него могли остаться связи в его бывшей конторе, которыми мы можем воспользоваться.

- Что же это за контрразведка такая, которую можно как частного детектива нанять? – удивился Токмашев.

- Отечественную коррупцию вспомните, - скривил губы в усмешке бывший гладиатор, - а теперь умножьте на десять, или двадцать, как больше нравится. Вот примерно такая обстановка в среднем по Оширу. В военных конторах может поменьше, а может и наоборот. Ну, это вы сможете у моего знакомого сами спросить. Так что, зовём?

Получив от меня разрешающий кивок, Кергиллов на полминуты расфокусировал взгляд, после чего доложил, что минут через десять можно встречать.

В означенное время из шлюза вышел странный азиат в таком же комбинезоне, как и мы все, только цвета охры, а не привычного уже серого. При ближайшем рассмотрении оказалось, что странность заключалась в очень бледном цвете кожи. Вспомнив, что в голове имеется универсальный коммуникатор, надо же привыкать к полезному устройству, спросил у земляка – чего это его друг такой блёклый. «А ты попробуй сохрани нормальный цвет лица, когда лет двадцать из космоса не вылезашь», ответил Михаил.

Оширца звали Джау и странным в нём оказалось многое, начиная с несоответствия молодой внешности и явно немолодой личности, заканчивая очень непривычными реакциями на многое в разговоре. Вроде ничего явного, за что можно было бы зацепиться вниманием, но в целом суммировалось какое-то ощущение чуждости. Допустим, с определением возраста у азиатов европейцы в принципе нередко затрудняются, но всё остальное... Ладно, спишем на то, что на других планетах не только языки и культуры отличаются, но даже мимические и жестовые реакции. С другой стороны, психология и физиология вроде одинаковы. Хотя, Миша вон, нормально общается, привык наверное, значит и нам надо привыкнуть.

- По итогу сканирования могу сказать, следующее: вот эти восемь контейнеров, - Джау вытянул руку в направлении одного из углов трюма, - не мусор, но близко к тому, насыщенность руды слишком мала, покупать не вижу смысла. Вот из этой группы, тридцать пять – хорошего качества сырьё, но цена на никель невелика, готов взять только из-за качества.

Пока оширец говорил, у меня понемногу портилось настроение: столько трудов и ожиданий, а на выходе полный облом? Судя по вытягивающимся лицам товарищей, у них мысли были аналогичные.

- Вот эти... не вижу сколько там, около сотни кажется, очень высокое содержание палладия и родия. Очень хороший товар. – тут наш коллективный энтузиазм дёрнулся было в обратную сторону. – Остальное здесь – смесь металлов и минералов среднего качества, зато довольно много. После взвешивания при разгрузке скажу точнее.

- Сколько это по деньгам выйдет? – не выдержал Фуркан.

- Около трёхсот тысяч кредитов. Точнее выяснится при взвешивании. – нечитаемая мимика инопланетного азиата начинала раздражать и, похоже, не только меня.

- А чё так мало-то? – на этот раз выразить общее мнение решил Санёк.

- Я же сказал, что относительно ценны здесь только вон те контейнеры с родиём и палладием, они и составляют примерно восемьдесят процентов от суммы. – дружный разочарованный выдох сопровождался непонятными, но явно матерными эпитетами со стороны турка.

- А теперь перейдём к актиноидам. – на лице торговца впервые появилось что-то вполне узнаваемое, то самое выражение, когда самое вкусное приберегают напоследок и заранее смакуют обескураженность собеседника.

- К чему? – снова встрял Шурик.

- К актиноидам. – сделав морду тяпкой повторил Джау. – Вы же сложили радиоактивную руду в отдельном отсеке.

На этот раз дружный выдох был скорее облегчённым, хоть и сопровождался парой хлопков по лбу. Да, забыли про самую малочисленную, но и самую многообещающую часть добычи все, коллективно.

- И сколько же мы выручим за актиноиды? – с надеждой проговорил Иван Иванович, а коллектив затаил дыхание, уставившись на оширца в ожидании.

- Уже сейчас могу сказать довольно точно: не менее одного миллиона ста тысяч кредитов. Очень богатая руда, такое высокое качество довольно редко в нашем секторе, поэтому цена соответствующая.

Тут все дружно заговорили, кто-то хохотнул, вроде бы Эдик, на него похоже, а Джау из подозрительного пришельца тут же превратился в дорогого гостя. Ещё бы, даже предварительная оценка оказалась почти в полтора раза выше самых смелых ожиданий. А я мельком подумал, что неплохо бы и нам такой сканер приобрести, а то наши плюс-минус сапог показывают. Ну и цены на полезные ископаемые нужно изучить подробно, чтобы не набивать трюмы дешёвым сырьём, на котором зарабатывают только горнодобывающие гиганты чисто за счёт масштабов конвейера.

Ну да ладно, первый блин пусть не комом, но как-то хаотично всё организовывали, с бухты-барахты, толком не изучив матчасть. Хорошо, что удачно попали, хоть и пальцем в небо. Но тут же сам себе поставил на вид, что впредь буду делать как привык: тщательная подготовка и только потом действия.

Прежде чем отчалить в сторону ангара оширца на выгрузку руды, пригласили его на переговоры. Поначалу напрягшийся было гость получил краткое разъяснение от нашего общего друга и уже с явной заинтересованностью двинулся в нашу «переговорную».

Узнав о цели переговоров, азиат не просто не удивился, а соорудив буднично-деловое табло, выкатил буквально прайс-лист на услуги отечественной секретной службы. Слегка охренев от такого «продвинутого» капитализма мы дружно подвисли, осмысливая свалившееся на нас счастье.

Усилив волю приказав себе перестать удивляться, не на Земле всё-таки, иная цивилизация – иные нравы, я обратился к наиболее интересующим меня пунктам прайса. После чего охренел повторно. Ценник на актуальные разведанные о пиратах в секторе гордо отсвечивал семью нулями после двойки. А активное сопровождение операции по отлову злодеев кораблём разведки не ниже шестого поколения с соответствующей системой РЭБ – два с половиной миллиона в сутки. То есть на тот момент, когда мы будем технически готовы к началу охоты, в кармане необходимо иметь самое малое – двадцать пять миллионов местных цифровых пиастров. Ну и самому переговорщику тысяч сто, детишкам на молочишко.

Что ж, не астрономическая цифра, особенно на фоне результатов первой же экспедиции, но всё же, но всё же...

Договорившись, что свяжемся с ним так же, через Кергилова, когда потребуются его услуги, двинули корабль на разгрузку. И тут нарисовалась проблема. Ни у кого из нас не было личного банковского счёта, через которые обычно проводились такие суммы, и представительства банка на станции тоже не было, чтобы такой счёт открыть.

И снова выручил Миша. Со словами: «Мужики, я по любому с вами. У меня счёт есть, давайте его нашим общаком сделаем. Сгоняем на станцию или планету, где банковский филиал есть и там на нас всех его перерегистрируем».

Русские мужики восприняли его слова с пониманием и одобрением, а вот турок сощурился а-ля «собака-подозревака», на что алтаец резонно заметил, что тратить заработанное мы будем тут же и в самое ближайшее время, с его, Михаила, непосредственным участием. А на его, Михаила, личном счету денег существенно больше, чем поступит сейчас, но он готов их вложить в наше общее дело, так что нефиг рожу кривить, осман недобитый, Суворова на тебя нет.

При чём тут великий полководец, осталось только догадываться, но Фуркан пожал плечами и демонстративно отвернулся, дескать «делайте что хотите, я своё мнение лицом изобразил». А через пару минут Абагай скинул нам скрин сообщения о пополнении счёта на один миллион шестьсот двадцать тысяч кредитов. Оказалось, что контрольное взвешивание показало разницу со сканированием в нашу пользу ещё на двести с лишним килобаксов, что не могло не радовать.

Через двадцать минут, вернувшись к мишкиному ангару, ну а что, удобно и за аренду причала платить не надо, после короткого обсуждения нарезал команде задач: нашему османскому технику – составление списка покупок и подбор товаров на рынке по горнодобывающей технике и сопутствующим девайсам, профессору с Серёгой – расконсервация наших будущих шахтёров и подбор пилотов на грузовик, Эдик на посту в рубке, а мы с Шуриком и Михой на боте летим посмотреть наш потенциальный второй корабль.

- Ну, что скажешь, как пилот? – спросил я Санька после осмотра, сканирования и результатов диагностики грузовоза.

- Черепаха. – ёмко отпартовал наш второй пилот. – Такая же медленная, но крепкая.

- Так что, берём?

- Смеёшься? Берём, конечно. Состояние на четыре с плюсом, ну, если жилой модуль не считать. А трюм видел? Да в него наш корвет влезет. Если в ворота пропихнуть, конечно.

- Пропихивать ничего не будем, сам полетит. – деловито отрезал я, краем глаза наблюдая за приплясывающим от нетерпения продавцом очень характерной внешности – не то кавказской, не то арабской, - Только двигло на него сначала найдём. Что думаешь по двигателям?

- Гиперпривод у него примерно аналогичен нашему, но это нормально. А вот пространственный движок надо менять на что-то раза в три мощнее, чтобы хотя бы по прямой наравне с нами летал. Про маневренность даже не говорю – кирпич он и есть кирпич. Например, от фрегата класса пятого-шестого. Можно бы и седьмого, но тогда реактор только на него и будет работать, а нам надо бы и щиты на него навесить, и оружие хоть какое-нибудь.

Согласившись с мнением специалиста, я полез шерстить местный рынок. Вновь погрузившись в цифровое «купи-продай», отметил про себя, что для сравнительно небольшого сообщества, если можно сравнивать инопланетную космическую станцию с земным маркетплейсом, тут поразительно широкий ассортимент. Правда, следующее наблюдение расставило всё на свои места.

Во-первых, местный рынок оказался на более чем девяносто процентов вторичным. Новьё если и попадалось, то только среди мелочей, вроде баз знаний, расходников для дроидов или контейнеров, производимых прямо здесь. Всё что касалось кораблей, являлось исключительно бывшим в употреблении, причём преимущественно в долгом и отнюдь не бережном употреблении. Поэтому аналог отечественного авторазбора на станции, а скорее всего и во всём Фронтире, процветал.

А во-вторых, Содружество смогло сделать то, о чём на матушке-Земле пока только мечтают: оно создало универсальную модульную систему буквально всего – от кораблей до пистолетов. То есть теоретически двигатель от гражданской яхты аграфов последнего поколения можно присобачить к боевому хакданскому линкору поколения эдак третьего, и оно таки полетит. Правда, как, куда и надолго ли – одним ежам ведомо, да и тем вряд ли, если у них нет

нейросети и соответствующих баз. У меня, кстати, тоже загруженные базы на линкоры не распространяются, поэтому и приходится апеллировать к ежам.

В общем, стало понятно, почему нужен двигатель, а точнее – система двигателей, нашлась так быстро. Приятным бонусом стало то, что продавец вызвался сам установить свой товар на нашу баржу в собственном ремонтном доке, правда, не раньше, чем послезавтра, ибо очередь.

Миша с арабом обменялись кивками, обозначив переход денег со счёта на счёт и кодов доступа от продавца к покупателю, после чего Саня, скормив бот объёмистому трюму, погнал приобретение к нашим.

Наши тоже сопли не жевали. Фуркан первым делом выкатил список на полсотни пунктов и без малого семьсот тысяч денег. Из ранее неучтённого в нём была лишь вторая медкапсула в наш бортовой лазарет. На молчаливый вопрос «нахуа?», было отвечено, что доктор там толпу народа разбудил, которому нейросети устанавливать, да грыжу со сколиозом лечить, а потом нам всем дружно учить базы, которые чем выше по уровню, тем больше усваиваются, а в капсуле – переспал с этой мыслью и готово. И вообще, помнишь, Глеб, как мы с тобой оба ранетые в очередь становились, чтобы шкурку заштопать? А нас тут уже в разы больше стало, так что случись чего, у-у-у...

Поспешив похвалить предусмотрительного техника, я побежал знакомиться с пополнением. Пополнение ничем особо не выделялось, кроме двух колоритных дам. Колорит состоял в том, что насколько одна походила на готового к поединку рукопашника – от квадратной челюсти до характерного перекачивания с ноги на ногу, настолько же другая напоминала комнатный цветочек, боящийся любого сквозняка. Как подсказал мнувшийся без дела Серёга, обе дамы – медики, но если первая регулярно ездила по вахтам в качестве фельдшера, то вторая, проработав полтора десятка лет педиатром в детской поликлинике, всего лишь подвезла соседку до конторы по найму, а проснулась уже здесь. На этот раз вопрос «А нахуа, собсно, нам педиатр?» я произнёс вслух, на что получил ответ: один медик на грузовик, второй – на помощь, а то и на смену Иванычу, дескать стар и немощен, боится не потянуть, а педиатр-не педиатр, всё одно – врач.

Ага, стар и немощен, подумалось мне, он и на Земле шустрым стариканом был, а уж тут и подавно. Женщина-то вполне себе ничего такая – фигуристая, лицо породистое, симпатичное. И если мне она ровесница, то для Токмашева – очень даже молодуха. Особенно после медкапсулы. Ох, не для медицины он её разбудил, зуб даю!

Сюрпризы на этом не закончились и даже безвылазно торчавший в рубке Эдик не безыдейно просиживал штаны, а стратегически планировал глубокий тюнинг своей «ласточки». В перспективе предполагалось сменить маневровые двигатели на помощнее и добавить силовых щитов, а прямо сейчас необходимо было переставить ударные ракетные установки на неповоротливую баржу, а нам добавить турелей противокосмической обороны и малых ракетных установок.

На ставший уже сакраментальным вопрос, лётчик пояснил, что мы теперь не сможем гордо смазать лыжи в случае грандиозного шухера, а будем самоотверженно защищать беззащитную грузовую лайбу. Вот чтобы не оказаться беззубыми терпилами перед вражьем рылом, нам и нужно переставить большие и тяжёлые зубы на тяжеловоз, а себе нарастить зубов помельче, зато лёгких и много.

«Ну и щитов бы тоже сейчас неплохо прикупить», скромно потупив глазки и едва не ковыряя ножкой бронепалубу, добавил капитан.

- И сколько все твои хотелки денег стоят? – фактически уже смирившись с новыми тратами спросил я.

- Ну, если чисто турели, то всего двести-двести пятьдесят тысяч, - хитрый Эдик уже просёк, что я согласен, но суммы всё равно предпочёл выкладывать постепенно, - а если с

эмиттерами щитов, то ещё плюс восемьдесят. Но к новым эмиттерам дополнительный реактор нужен – самого скромного хватит, тысяч за пятьдесят. Плюс столько же на грузовик, он-то у нас совсем голый, даже вместо брони – фольга противорадиационная.

- Итого, значит, полмиллиона. – подбил бабки я.

- Где-то так, - изображая полную покорность судьбе, выдохнул товарищ.

- Тебе полмиллиона, Фуркану семьсот тысяч, за баржу сто двадцать отдали, а нам ещё пару ботов, челноки и ещё хрен знает чего по мелочи брать придётся...

В этот момент напомнил о себе Абагай, забросивший все свои дела и сопровождавший меня с самого нашего прибытия.

- Глеб, боты и челноки ваш турок уже внёс в список, так что это в минус. А вот что вам бы не помешало купить, так это более современный пищевой синтезатор. Не надоело этим силосом давиться?

- Миша, да ты гений! – в два голоса почти проорали мы с капитаном.

- Мяса жареного хочу, сил нет...

- Картошечки жареной...

- Салатик с помидорами...

- Пивка с кальмарами...

- Мля-а-а...

- Э, стоп, мужики, не разгоняйтесь! – оборвал наши мечтательные стоны Михаил. – Я сам готов купить вам синтезатор шестого, ну седьмого поколения, чтобы у еды вкус и нормальная консистенция появились. Но то, о чём вы тут тоскуете – это уже на порядок дороже стоит. А я вам не олигарх, чтобы на пожрать половину своих накоплений угрохать.

Увидев наши вытянувшиеся морды, он смиловился и добавил:

- А просто вкусно похавать можно в бар сходить. Там как раз такой стоит. С собой, конечно, не возьмёте, но душу отвести вполне достаточно.

- Миша, благодетель ты наш! – сердечно затряс его руку Эдик.

- Веди нас, Сусанин, веди нас, герой! – в тон ему подхватил я.

- Идите вы нахрен, я сам здесь впервой. – хмыкнув, продолжил бородатую шутку алтаец.

- Тогда доделываем дела и дружною толпою валим в харчевню. – перевёл я развлекуху на деловой лад. – Мы все заслужили выходной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.